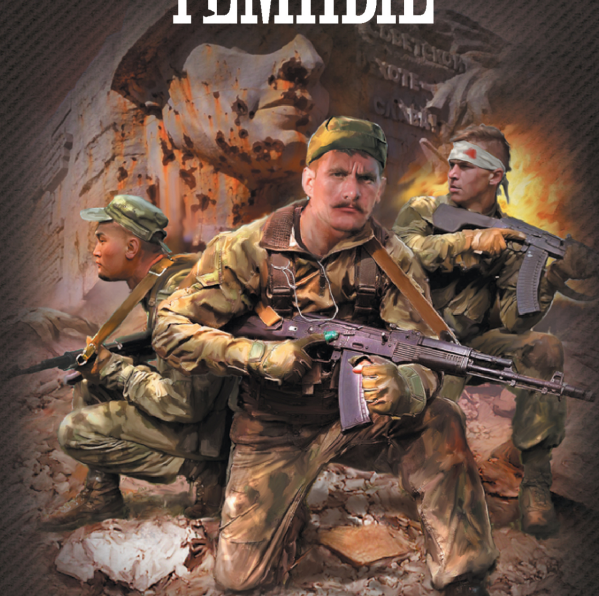

Александр Харников
Максим Дынин

СПЯТ КУРГАНЫ ТЕМНЫЕ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Максим Дынин
Александр Петрович Харников
Спят курганы темные
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69324967

Харников, Александр; Дынин, Максим. Спят курганы темные: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-157087-3

Аннотация

«Велико, знать, о Русь, твое значенье! Мужайся, стой, крепись и одолей!» – писал в одном из своих стихотворений великий русский поэт Федор Тютчев. Как и в те давние времена, Запад пошел крестовым походом на Россию. Девять лет льется кровь на Донбассе, форпосте Русского мира на границе с Диким полем. Именно в него превратилась территория Украины, где злобствует и беснуется всемирная нечисть.

А на чьей стороне были бы такие разные люди, как поручик-белогвардеец, атаман-махновец и партизан-ковпаковец? На этот вопрос авторы попытались ответить в своей книге. Начинается она с боев на Саур-Могиле – в месте русской воинской славы. Война, которая решит судьбу Русского мира, еще не закончилась.

Содержание

Пролог	5
Часть I. «Наши мертвые нас не оставят в беде...»	14
Часть II. «В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, воскресшими для новых похорон...»	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Харников, Максим Дынин

Спят курганы темные

© Михаил Самарский, 2023

© Анна Гайворонская, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Светлой памяти старшего лейтенанта
Салавата Хакимова, ветерана Афганистана и
Саур-Могилы*

Пролог

Саур-Могила, 29 июля 2014 года.

Ариадна Ивановна Гринько, батальон «Восток»

«Ну что ж, – подумала я, с трудом приоткрыв глаза и пытаясь подняться со дна окопа, – хорошо мы повеселились, но, увы, все хорошее когда-нибудь да кончается. Сейчас сюда подойдет кто-нибудь из „азовцев“, и все, что мне останется – это по возможности застрелиться. Очень жаль, что гранаты у меня закончились». Последнюю пришлось израсходовать, когда двое очумелых укропов смогли подобраться к нашим позициям и с диким воплем рванули прямо на то место, где стояла я. Взрыв разметал «великоукров», но их минометчик решил приободрить своих и положил несколько мин рядом с нашим окопом. Осколками посеколо несколько человек, досталось и мне – я была ранена и контужена.

Последняя мысль моя была – только бы не плен. Попасть в руки этим ублюдкам мне не хотелось. Довелось как-то увидеть тела наших ребят, которые ранеными оказались в плену даже не у «азовцев», а у ВСУ¹. Эти нелюди вдоволь поиздевались над ними. Одного парня из Горловки они еще живого облили бензином и подожгли. Ну а про девушек и говорить

¹ Вооруженные Силы Украины.

нечего. Помню, нашли мы недавно один труп – девочка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати, с отрезанными грудями, изуродованной промежностью и вспоротым штыком животом. Бедная, сколько ей вытерпеть пришлось, прежде чем смерть избавила ее от страданий...

Вот только смогу ли я застрелиться? Я попробовала пошевелиться. Дикая боль пронзила все тело. Правая рука висела как плеть, левая еле-еле двигалась и не сгибалась в локте. Да и все тело болело и ныло, словно по нему танк проехал... Наши ребята, кто был рядом со мной, погибли. Помню, как за мгновение до взрыва мины один из них – молдаванин Гриша Бурсук – его еще Барсуком кликали – успел заслонить меня своей спиной и заорал: убери, мол, руки за меня. Убрала бы, как он велел, не посекло бы их тогда осколками. А я зачем-то обняла его сзади. Да что уж теперь...

Еще при жизни он не раз и не два оказывал мне неуклюжие знаки внимания, а я, глупая, над ним посмеивалась – лет ему уже за сорок было, вдовец, а мне всего-то двадцать... Можно сказать, что он в отцы мне годился. А теперь он мертв. Я поцеловала его перемазанное кровью лицо, как могла – только Грише уже было все равно. Жаль его, хороший он был мужик, на шахте работал, ничего не боялся. Помню, как он любил шутить: «Все под землей будем, только я и так полжизни там прокантовался...»

Так я провалялась на земле час или два. Звуки боя потихоньку отдалялись, разрывы были еле слышны. Я уже было

решила, что еще немного полежу, а потом соберусь с силами и попытаюсь поползти до своих. Ведь если стреляют, значит, наши еще держатся. А там мне помощь окажут, не бросят.

Неожиданно в посеченных пулями и осколками кустах что-то зашуршало. Я попробовала поднять ставший неожиданно тяжелым пистолет, но сил у меня не хватило, и я завыла от отчаяния. Но тот, кто вышел из-за куста, был совсем не похож на «азовца» – у него была смуглая кожа, раскосые глаза и почему-то солдатский бушлат, такой, какие носили наши бойцы в фильмах про Великую Отечественную – и это в июньскую-то жару! А на боку у него висела самая настоящая сабля – я такую видела как-то раз у казаков, которые приехали помогать нам с Кубани. В руках он держал автомат с большим круглым диском. Да это же ППШ! – вспомнила я. Мне рассказывали, что такие старые автоматы наши хлопцы выменивали за самогонку у украинских прапорщиков в арсеналах Соледара – там, говорят, за хорошие деньги можно было разжиться не только ППШ, но и немецкими винтовками «маузер», и нашими трехлинейками. Ну прямо «пещера Аладдина» какая-то!

Увидев меня, он, слегка косолапая, подбежал ко мне, нагнулся и сказал со странным акцентом:

– Что случилось, сестричка? Может, помощь какая нужна...

– Вы кто? – не удержалась я от вопроса.

– Сержант Тулуш, Кызыл-оол мое имя, – улыбнулся тот,

причем глаза его оставались цепкими, и смотрели они не столько на меня, сколько зыркали по сторонам, чтобы видеть все, что происходило вокруг.

– А меня Ариадна, – представилась я.

Сержант неожиданно по-кошачьи отпрыгнул в сторону и направил ствол автомата в сторону рощицы. Должна признаться, что я ничего подозрительного не услышала, но у сержанта с трудновыговариваемым именем, похоже, был отличный слух.

Из-за посеченной осколками осины вышел с поднятыми руками еще один человек, в линиялой солдатской гимнастерке и такой же полинялой пилотке со звездочкой. Он точно был не из нашей роты. На груди у него висел автомат, не ППШ, но тоже внешне не похожий на привычный мне «калаш». Он больше смахивал на те, которые были у немцев в фильмах про Великую Отечественную войну.

– Свои, – улыбнулся незнакомец. – Не стреляйте. Тут и без вас есть кому стрелять.

Словно в подтверждение его слов над головой прошелестела мина и разорвалась неподалеку от нас. Осколки срезали небольшую липу, которая росла всего в двадцати шагах от того места, где я лежала. Похоже, «азовцы» не наигрались сегодня, и решили еще немного популять.

Услышав слова этого парня в пилотке, я неожиданно вспомнила фразу кота Матроскина: «Свои дома сидят, телевизор смотрят». Кызыл-оол настороженно смотрел на наше-

го нового знакомого. Он убрал палец со спускового крючка, но автомат держал наготове.

– Какой такой свой? – спросил он.

– Старший лейтенант Михаил Студзинский, Сумское партизанское соединение, – сказал тот. – Про деда Ковпака слышали? А ты, стало быть, из тувинцев?

– Откуда знаешь про нас?

– Да слухами земля полнится. «Черная смерть» – так вас немцы кличут. А если бы ты знал, какие страсти-мордасти они про вас рассказывают. Дескать, не люди вы, а воинство Чингисхана, вырвавшееся из ада. В плен не сдаетесь, но и сами в плен не берете. Вот только не привелось ни разу драться вместе с вами. А что там с девушкой? Она ранена?

Тувинец утвердительно кивнул.

– Слушай, сержант, у меня индпакет есть. Давай я ее посмотрю.

– Смотри.

Сержант сделал пару шагов в сторону и стал внимательно осматривать местность, а ковпаковец склонился надо мной, расстегнул на мне разгрузку, потом «комок» и покачал головой.

– Да, сестрица, крепко тебя долбануло, – сказал он. – Но ничего, сейчас что-нибудь придумаем.

Он неожиданно сильными пальцами ловко выдернул из ран несколько осколков (тут я не выдержала и взвыла от боли), а потом столь же неожиданно ласково и аккуратно обра-

ботал раны тампоном, от которого разлило чем-то весьма похожим на запах самогона. Помню, как такое ядовитое зелье гнала когда-то из буряка моя тетя.

– Надо бы тебя поскорее врачу показать, но где же тут его найдешь, врача-то? В общем, я сделал все, что смог. Ты лучше скажи мне – где это мы сейчас находимся?

– То есть как это где?! – обалдела я. – Это Саур-Могила, неужели ты не слышал о такой?

– Нет, не слышал, – честно признался ковпаковец. – а где эта самая могила находится?

– Ты что, не знаешь, где воюешь?

– Воевал-то я в Карпатах, милая, – криво усмехнулся старший лейтенант. – А как сюда попал... Я бы сказал, что один лишь Бог это знает, если он, конечно, существует. Ведь нас партия и товарищ Сталин учат, что нет его и быть не может. А ты, сержант, где воевал?

– Шли мы в атаку, – тувинец на мгновение повернулся к нам. – Помню, как двух немцев зарубил, потом подо мной коня убило, и дальше ничего не помню.

– Вот и я не помню. Был в разведке, нас Петр Петрович Вершигора² за «языком» послал. «Языка»-то мы взяли, только при отходе обнаружили нас гады из УПА – слышали, небось, об этой сволочи. Вцепились они в нас так, что никак от них оторваться не получалось. Тут меня в ногу ранило, и стал я обузой для своих друзей. Вот я и остался отход своих

² Петр Петрович Вершигора в соединении Ковпака был начальником разведки.

прикрывать. Как мог петлял, отстреливался. Гранаты кончились, из патронов тоже осталось лишь чуток. Потом словно что-то по спине ударило. Помню, лежу и истекаю кровью, думаю – все, Мишка, приплыл. Не видать тебе больше родного Ворошиловграда – точнее, станицы Луганской, откуда я родом. А потом все в глазах вдруг потемнело, и я оказался здесь, а на мне ни царапины. И нога целая, словно мне ее не прострелили, и в спине дырок нет. Чудеса, да и только!

Он посмотрел на меня:

– Доложи, милая, обстановочку... Чтобы хоть знать, что происходит на твоей, как ты говоришь, Саур-Могиле...

– Сейчас на дворе две тысячи четырнадцатый год, двадцать девятое июля, – хрипло выговорила я. – На Саур-Могилу прут бандеровцы – это та же самая УПА, только в новой ипостаси. А мы, соответственно, обороняемся, как можем.

– То есть эти самые бандеровцы бьют Красную армию? – удивился старший лейтенант.

– Если бы Красную армию... Нет ее давно. А здесь воюют местные – шахтеры, рабочие, учителя. Или студенты, вроде меня. Ну, что-то наподобие ополченцев в Великую Отечественную... И добровольцы из России и других мест – вот Гриша был из Молдавии, хоть и проработал здесь много лет шахтером. Причем оружия у нас мало, зато враг вооружен до зубов.

– Ну что ж, бил их там, буду бить и здесь, – скрипнув от злости зубами, кивнул старший лейтенант. – А ты как, сер-

жант?

– Я с вами, – ответил тувинец. Лицо его было невозмутимо, словно африканская маска.

– Тогда давай отнесем Ариадну туда, куда она скажет. Заодно и познакомимся с местными... ополченцами. Ты не против?

– Ты старший лейтенант, ты командир. Я сержант, – неожиданно улыбнулся тот и бережно подхватил меня на руки.

«Однако, – удивилась я, – выглядит он таким неказистым и щуплым, а сила у него в руках невероятная».

– Только зовите меня Михаилом, а еще лучше Мишей, а то «старший лейтенант» – пока выговоришь, сто лет пройдет... У нас, у партизан, все проще.

– А меня Кызыл-оол, – сказал тувинец. – Можете называть меня просто «таныш» – по-нашему это означает «друг», «приятель».

Мы прошли через рощу. Неожиданно Миша сделал стойку и вскинул автомат. Из-за посеченных осколками деревьев вышел человек в застиранном военном мундире цвета хаки, в фуражке с красным околышем, а на груди у него, как я машинально отметила про себя, висели два креста на колодке, напоминающей георгиевскую ленту. Он поднял руки вверх и сказал:

– Поручик Фольмер, господа. Не стреляйте. Тем более что в меня совсем недавно стреляли. Скажите лучше – с кем

имею честь познакомиться?

— Гляди-ка, — насмешливо произнес Миша, опуская ствол автомата. — Прямо-таки настоящий белогвардеец.

— Я и есть белогвардеец, — усмехнулся тот.

— И как ты сюда попал?

— Был расстрелян красными в Крыму в ноябре двадцатого года. Поверил Фрунзе и остался — не захотел покидать родину. И я ни о чем не жалею — пусть я по крови немец, но православный и считаю себя русским. И сам решил остаться в России.

— Поня-а-тно, — удивленно покачал головой Михаил. — И что ж теперь нам с тобой делать?

— А вы кто, красные? — беляк подозрительно покосился на звездочку на пилотке Михаила.

— А если и так? — усмехнулся тот.

— Ну что ж, у Розалии Землячки — так звали дамочку, обьившую о нашем расстреле — не вышло меня убить, попробуйте теперь вы. Тем более оружия у меня нет, свой наган я отдал при регистрации — не знал, что иду на верную смерть. Хоть и подозревал, чего уж там.

Да полно вам тут препираться, — я не выдержала и вмешалась в их разговор. — Нет здесь ни красных, ни белых. Есть люди и бандеровцы. Так что выбирайте, с кем вам быть вместе...

Часть I. «Наши мертвые нас не оставят в беде...»

29 июля 2014 года. Саур-Могила, Донецкая Народная Республика.

Сержант Тулуш Кызыл-оол, Тувинский эскадрон 8-й гвардейской кавалерийской дивизии

Я был правнуком великого шамана, который вел свой род от самого Аджу, внука Субэдэй-багатура – «Свирепого пса» Чингисхана. И потому мне порой снились странные сны, которые даже мой мудрый отец не мог толком разъяснить, и лишь разводил руками. Нет, я и сам не верил в духов и старых богов наших предков. Времена наступили такие, когда на верующих смотрели косо. Только сны мои и голоса приходили ко мне сами по себе, и ничего с этим я поделать не мог.

Отец мой поселился в городе Кызыл еще тогда, когда тот носил название Белоцарск. Он был грамотным человеком, умел говорить по-русски и мог читать книги, написанные на этом языке. Он и меня научил всему, что знал сам. Ну, а я, повзрослев, пошел работать на лесозавод механиком. Оборудование там было не такое уж сложное, и я быстро научился его чинить и налаживать.

Рядом с нашей Тувинской Народной Республикой жила и здравствовала большая и многолюдная страна – Советский Союз. Оттуда в Туву приезжали грамотные и умные люди. Они помогали нам строить заводы и мастерские, лечить людей и строить новую жизнь. Помню, как в Кызыле в 1931 году заработала телефонная станция. Как я тогда удивился, когда по телефону позвонил своей старшей сестре – она работала в типографии – и услышал ее голос, словно она находилась рядом со мной.

Но вот мои сны... Один из них мне особенно запомнился. Мне снилось, будто я воин полка «Хошут»³ великого Чингисхана. Вместе с воинами Потрясателя Вселенной я сражаюсь с всадниками в железных доспехах и с плащами, на которых были изображены черные и красные кресты. Мы скакали сквозь дым, размахивая кривыми саблями, и кричали на непонятном языке: «Бегайте, бегайте!» Как нам объяснили наши сотники, это по-польски означало «Спасайтесь, спасайтесь!»⁴ Наши воины тогда разбили врага, а потом для подсчета убитых отрезали у каждого трупа ухо. Всего мы набрали девять больших мешков!

Позднее в библиотеке я нашел книгу о походе Чингисха-

³ Во время боевых действий полк «Хошут» выполнял авангардные функции – разведка, отражение первых ударов противника. Помимо этого, в их обязанности входила дневная служба охранения лично императора.

⁴ На самом деле по-польски «спасайтесь!» – «ratujcie się!», но в монгольском войске во время битвы при Легнице (1241 год) решили использовать для создания паники в рядах польско-немецкого войска слово «бегайте».

на в Европу и прочитал главу о разгроме войска силезского князя Генриха Благочестивого и отрядов рыцарей Тевтонского ордена и тамплиеров. А еще я посмотрел в нашем клубе при лесозаводе кинофильм о том, как русский князь Александр Невский разбил на льду озера немецких рыцарей. Фильм мне очень понравился, хотя рыцари в нем не были похожи на тех, которых я видел во сне.

В июне 1941 года в Кызыле проходил съезд Великого Хурала. Когда до нас дошла весть о том, что на наших братьев напали немцы, мы, мужчины Тувы, решили все отправить на войну с Гитлером. А для начала наше правительство передало СССР весь золотой запас Тувы и все золото, которое добывалось у нас. Мы старались хоть чем-то помочь русским, сражавшимся с фашистами.

У нас росли березы, из которых тувинцы изготавливали замечательные лыжи, прочные и гибкие. Наши мастера вырубали целые рощи этих берез, чтобы русские лыжники на тувинских лыжах заходили по глубокому снегу в тыл врага и истребляли всех, кто принес смерть и горе на землю наших братьев. Всего было сделано больше пятидесяти тысяч пар лыж. Мы отправляли на фронт подарки, изделия из кожи и шерсти. Каждый старался хоть чем-то помочь русским в их борьбе с нападшими на них мангысами⁵.

Да, мы все рвались на фронт, но в СССР тувинцы счита-

⁵ *Мангысы* – по тувинской мифологии многоголовые злые великаны с ножами или напильниками вместо когтей.

лись иностранцами и не подлежали призыву. Только осенью 1942 года первые две сотни добровольцев из Тувы отправились на войну с фашистами. А сам я попал в боевую часть лишь в сентябре 1943 года. Так как я неплохо знал русский язык и умел читать и писать по-русски, меня назначили командиром отделения и присвоили звание сержанта.

Помню наш первый бой. Было это на Украине в январе 1944 года. Мы с саблями наголо атаковали немцев, которые поначалу даже не поняли, кто на них напал. Потом, правда, они стали отстреливаться, а мы начали их рубить. У нас, у тувинцев, не принято сдаваться в плен. Ведь неволя хуже смерти. Настоящие мужчины так не поступают. Иначе им будет стыдно смотреть на солнце и на своих родных и близких. Поэтому и мы никого не брали в плен. Немцы же к такому не привыкли. И они дали нам прозвище «Der schwarze Tod» – «Черная смерть». Офицер из 8-й гвардейской кавалерийской дивизии, в составе которой воевал наш эскадрон, рассказал нашему командиру, что пленный из части, с которой мы сразились, пожаловался на то, что русские напустили на них «полчища Аттилы» и что солдаты вермахта до сих пор не могут прийти в себя от испуга. А мне на привале опять приснился воин Потрясателя Вселенной, который яростно рубился с рыцарями в белых плащах с крестами.

В феврале 1944 года мы вели бой за украинский город Ровно. Наш эскадрон вышел к железной дороге и начал истреблять насмерть перепуганных немцев. Они, словно степ-

ные суслики, за которыми охотился орел, с истошными криками разбегались от нас. Тогда-то меня и убили, хоть я этого в тот момент и не понял. Я запомнил лишь то, что конь подо мной словно споткнулся и стал заваливаться набок. А потом передо мной снова вдруг появилось лицо незнакомого мне седобородого старика со шрамом на лице. Он сказал:

– Запомни – ты будешь жить и не попадешь в Устуу оран⁶ до тех пор, пока не выполнишь то, что было предназначено тебе Вечным Голубым Небом. Не посрами свой род и своих предков. Не давай пощады врагу, но не убивай невиновных.

Потом лицо старика исчезло, и я очутился в незнакомой мне рощице. Там на земле лежала прекрасная девушка в окровавленной одежде. Она была похожа на медсестер, которые на фронте оказывали помощь раненым бойцам. Видимо, теперь помощь понадобилась ей самой. Я почему-то даже не удивился тому, что убит я был зимой, а теперь вокруг меня была зеленая трава, покрытые листьями деревья, и солнце над головой пекло так, словно я неожиданно попал в лето.

– Что случилось, сестренка? – спросил я ее.

– Вы кто? – ответила она и попыталась пошевелиться. Видимо, девушка была сильно ранена, потому что она застонала и лицо ее исказилось от боли.

Так началась моя новая жизнь в другом мире...

⁶ *Верхний мир* – по тувинской мифологии место, где обитают души мудрецов и героев.

30 июля 2014 года. Донецкая народная республика, село Марьяновка.

Подполковник Ефремов Павел Федорович, позывной «Каскадер»

– Товарищ майор! Тут вот какое дело... – обратился ко мне лейтенант Вася Демченко, один из моих ребят.

Вообще-то я уже пару лет подполковник, но моя предыдущая служба до сих пор засекречена, и с недавних пор я превратился в майора Павла Сергеевича Мельникова – официально специалиста по контрразведке, и неофициально – по допросам пленных. К службе на передке я, увы, теперь не годен – прошел Афган и Первую Чеченскую без особых травм, а вот во Вторую Чеченскую мне не повезло – напоролся на мину и потерял стопу. У меня неплохой протез – муж старшей дочери пособил, он у меня бизнесмен – и наловчился я ходить так, что заметить то, что с моей ногой что-то не так, нужно очень постараться. Да, Маресьев воевал без обеих ног, и воевал героически – но все-таки он был летчиком и сидел в кабине истребителя. А попробуй-ка пробежаться на таком протезе...

После того, как меня комиссовали, я стал начальником службы безопасности одной солидной компании. Платили там хорошо, начальство было мною довольно, и мы с супругой – она у меня работает бухгалтером у зятя – жили вполне безбедно, работали, нянчили внуков, наслаждались обществом друг друга – что еще нужно человеку для полного сча-

стью? И политикой я особо не интересовался, хотя бы потому, что физическое и психическое здоровье мне было дороже...

Когда же начался Майдан, я позвонил своему старому другу и сослуживцу по Афгану Сереге Мельникову – свою фиктивную фамилию я взял в память о нем. Сергей был одесситом в хрен знает каком поколении, помесь великоросса, малоросса, поляка и молдаванина. Его предок поселился в Одессе после ранения при обороне города еще во время Крымской войны, и с тех пор все мужчины по нисходящей линии служили Родине – и почти все воевали. Вот и Вася – его племянник – сейчас служит под моим началом. Начинал он в Славянске, но после ранения его перевели ко мне.

В начале декабря прошлого года Серега мне заявил: «Не бойся, Паша, все образуется, главное, не вмешиваться». То же самое он говорил и после госпереворота в Киеве в феврале. А вот третьего мая он позвонил мне сам. Я сразу и не узнал его голос, но понял, что случилось что-то очень страшное:

– Паша, у меня вчера ночью племянница погибла – звал я ее к себе на дачу, а она говорит мне, нет, не смогу, дядя Сережа, мне на Куликовом поле надо дежурить. Погибла она в том гребаном Доме профсоюзов... Эти мрази бандеровские забили ее насмерть дубинами.

– Приехать к тебе?

– Было бы здорово, да только не пускают они теперь муж-

чин на границе, даже нашего с тобой возраста.

А еще через три дня мне позвонила его дочь и тихо сказала, что Сергей умер от инфаркта. Тогда я договорился на работе, что меня какое-то время не будет, передал дела, поцеловал супругу и поехал в Славянск. На границе у Харькова меня ссадили с поезда, как Сергей и предупреждал, но я сумел пробраться через Ростов в Донецк, где один из моих бывших сослуживцев входил в число тех, кто лихорадочно пытался организовать что-то вроде ополчения. И по его просьбе я начал заниматься тем, что делаю сегодня.

Сегодня мне досталась целая куча «трудных» пленных – представьте себе, один из них оказался самым натуральным британцем, приехавшим в ДНР пострелять аборигенов. Ну, примерно так, как белый бвана приезжал в Африку для того, чтобы поохотиться на слонов и буйволов. Сам инглиз мне показался малоинтересным, но поработать с ним все же придется – вдруг через него удастся выйти на структуру, связанную с МИ-6. Самое же хреновое во всей этой истории было то, что наша разведгруппа при захвате пленных понесла серьезные потери – два «двухсотых» и «четыре «трехсотых». Кого теперь посылать в разведку? У нас в «Востоке» немало хороших парней, храбрых и верных. Но только этого для разведчика мало. Надо иметь острый глаз, терпение и умение нешаблонно думать. Ну и соответствующую физическую и боевую подготовку. Как в свое время говорил Григорий Котовский: «Нужно прежде всего победить себя, покончить

со своими слабостями и недостатками. Необходимо так закалить волю и организм, чтобы заставить себя делать порой даже невероятное, на что не способны твои враги». Конечно, учить разведчиков приходилось, что называется, на ходу, в рабочем порядке. А это было чревато потерями, так как противник у нас был серьезный, и за ним стояли спецслужбы зарубежных стран.

Но только я разобрался с пленными, решил некоторые текущие вопросы и собирался уже завалиться на боковую, как ко мне подошел Вася.

– Товарищ майор, разрешите обратиться!

– Обращайся, – я устало махнул рукой.

– Товарищ майор, тут еще трое, они Ариадну нашу спасли.

– Понятно. А при чем здесь я? Спасли – и слава богу. Сразу видно – наши люди. Надо будет потом их поблагодарить...

– Наши, да не совсем наши. Тут они такое наговорили... Вот, почитайте, – И он протянул мне несколько листков бумаги – черновиков протоколов допросов. Я пробежал их глазами, затем вчитался и форменным образом офигел.

– Вы что там, совсем рехнулись?! Книг про попаданцев начитались и теперь верите во всякую ерунду?! Какие еще «ковпаковцы»?! Какие еще белые офицеры? А еще и тувинец... Его что, нам сам Шойгу прислал? Похоже, что реконструкторы какие-то решили в настоящую войнушку поиграть, и приперлись к нам...

«Впрочем, — подумал я, — вот что удивительно — участников рейда Ковпака или офицеров Белой армии среди реконструкторов пруд пруди, а вот тувинцев я еще ни разу не встречал. Посмотрю, какой такой тувинец — был у меня еще в учебке приятель — как его звали, уже даже не припомню, — зато кое-каким словечкам из их языка он меня научил. Я вообще любитель иностранных языков — от английского и немецкого до дари, пушту и чеченского. Учил, как правило, перед каждой командировкой. Только помогло мне все это, когда та мина взорвалась, ага...»

А что же касается реконструкторов... Кое-кто из них всеми правдами и неправдами пробирался на Донбасс, чтобы повоевать с потомками петлюровцев. Только вот большинство из этих самых реконструкторов довольно скоро начинали понимать, что здесь идет война, на которой убивают всерьез. И потому, «наигравшись», ряженные быстренько брали ноги в руки и сваливали подальше от фронта.

Больше всего на свете мне хотелось сейчас выпить чайку — именно его, алкоголь я употребляю очень редко в последнее время — и покемарить минуток так шестьсот. Ну, ладно, согласен на половину — лишь бы никто меня не будил. Ведь мне подкинули еще одну задачу — помочь Тагиру Халимову — еще одному моему бывшему сослуживцу — сформировать новую роту для батальона «Восток». Точнее, уже не батальона, а бригады. И мне совсем не хотелось тратить драгоценное время на неизвестно кого.

– Товарищ майор, вот только не похожи они на реконструкторов, – не отставал от меня Вася, – Может, вы сами с ними поговорите?

– Ладно, поговорю, – вздохнул я. – Сейчас только чуток почаяевничаю, и минут через пятнадцать можешь их заводить. Только по одному – не всем скопом.

Первый, представившийся как сержант Тувинского эскадрона Кызыл-оол Тулуш, и правда оказался самым натуральным тувинцем. По-русски говорил с акцентом, но на удивление грамотно, хотя извинился, мол, «у нас в Кызыле мало говорят по-русски». Но то, что он воевал, мне стало ясно сразу – и то, что не «реконструктор», тоже. Более того, он представился кавалеристом, и об этом свидетельствовали кривоватые ноги и запах лошадиного пота – он так и не успел помыться перед тем, как его начали допрашивать.

А, как говорил мистер Шерлок Холмс: «Если отбросить невозможное, то оставшаяся версия, какой бы невероятной она ни была, соответствует действительности». Сказать, что меня это шокировало – это не сказать ничего. Но я не философ, я практик. И потому я прямо спросил его: не хочет ли он послужить в армии ДНР. Правда, для начала пришлось ему объяснять, что значит ДНР и с чем ее едят. Но как только он понял, что мы вновь воюем с наследниками нацистов, то сразу же попросился в наши славные ряды, в кавалерию. А узнав, что кавалерии у нас нет, без раздумий согласился послужить в пехоте.

Прежде чем его отпустить, я спросил его о том, знал ли он «ковпаковца» и «беляка» до Саур-Могилы. Оказалось, что нет. Я решил было, что в его случае мы несомненно имеем дело с чудом, но эти два – уж точно ряженные. Чуть подумав, я велел Васю привести «ковпаковца». Это было достаточно популярный типаж среди реконструкторов – подобным грешил даже мой младший зять, до недавнего времени ездивший почти каждое лето то на Черниговщину, то на Сумщину, а то и в Карпаты, дабы вспомнить о славных делах Сидора Артемьича.

Но ребята – приятели моего зятя – были похожи на старшего лейтенанта Студзинского – так назвался новый допрашиваемый – как болонки на матерого волка. Более того, то, чем он занимался, было мне знакомо, хоть моя специальность была, так сказать, смежной. И мне очень скоро стало ясно, что и он в самом деле тот, за кого себя выдает. Вот только как он попал сюда?! Становилось все чудесатее и чудесатее...

На мой вопрос, не хотел бы он служить у нас, старлей сразу же согласился, тем более, в отличие от кавалериста Тулуша, я записал его тем, кем он был во время Великой Отечественной – разведчиком.

«А ведь так мне удастся пополнить свою разведгруппу, – подумал я. – Тувинец и ковпаковец – готовые разведчики с фронтовым опытом. Надо только поднатаскать их в умении разбираться в здешних реалиях, и можно смело отправлять

их на задание. Ай да молодец – это я о себе. Нашел-таки выход из сложного положения!»

Но беседу я свою еще не закончил и поинтересовался у Студзинского, сможет ли он поручиться за двух своих спутников. Старлей, немного подумав, сказал следующее:

– Настоящие они, товарищ майор, даю вам честное комсомольское. Что Таныш – так мы называем Кызыл-оола, что Андрей Фольмер. Хотя, конечно, мы с ним были бы на Гражданской по разные стороны баррикад. Но мне подсказывает чуйка, что ни один, ни другой никогда нас не предадут. Тем более поручик любит петлюровцев и их наследников ничуть не больше, чем я УПА.

И вот, наконец, я познакомился с поручиком Фольмером.

30 июля 2014 года, Донецкая Народная Республика, село Марьяновка.

Поручик Фольмер Андрей Иванович

– Значит, как вы говорите, вас зовут? – задумчиво произнес человек лет примерно сорока пяти или пятидесяти, в униформе с разноцветными разводами (как мне объяснили, она называется камуфляжкой, и носят ее здесь многие, даже цивильные и женщины).

А угодил я сюда не без помощи Ариадны. Она, попав к своим, похлопотала за нас, и мы оказались в отдельном помещении, а не вместе с украинскими пленными. Кормили нас вполне сносно, сказать по-честному, я и на фронте не

всегда так питался. А то, что меня и моих спутников весь день допрашивали, так я на это не обижался – у нас в полку поступили бы точно так же, тем более, то, что мы рассказывали, было весьма и весьма странным и непонятным. Я бы, например, не поверил ни одному нашему слову.

На вопрос моего визави – а его мне сегодня задавали уже несколько раз – я терпеливо ответил:

– Да, я поручик Андрей Иванович Фольмер, место моей службы – Вооруженные Силы Юга России, 13-я пехотная дивизия 2-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Слащева. Во всяком случае, до недавнего времени я служил именно там.

– Расскажите немного о себе, – устало сказал человек в камуфляжке.

На этот вопрос я тоже уже сегодня отвечал несколько раз, но набравшись терпения, снова начал свой рассказ:

– Родился я в Санкт-Петербурге в тысяча восемьсот девяносто шестом году. Родители мои – Иоганн Себастьян Фольмер и Анна Паула Фольмер, по-русски Иван Евгеньевич и Анна Иосифовна. Мое имя при рождении – Андреас Ойген Фольмер. Этим именем меня крестили в евангелическом храме Святой Анны на Кирочной.

– И где вы там жили, на этой самой Кирочной?

– В доходном доме Бака. Это тоже на Кирочной. Знаете, такой, с балконами и крытыми галереями между корпусами. У него еще две такие симпатичные башенки.

– А какая там станция метро поблизости?

Такого вопроса мне еще не задавали, и я посмотрел на моего визави с недоумением:

– Метро, господин...

– Можете называть меня «товарищ майор».

– Когда меня допрашивали в Севастополе, товарищ майор, такой комбинации – товарищ и майор – и вообразить было невозможно. Ну не любили большевики ни офицеров, ни звания. Впрочем, и звания такого – майор – не существует в русской императорской армии с восьмидесятих годов прошлого – девятнадцатого – века. Но вернемся к метро – метро я знаю по Парижу, был там с родителями в двенадцатом году. Это в тысяча девятьсот двенадцатом, – вспомнил я, что уже на дворе две тысячи четырнадцатый. – Метро было во французской столице, и в Лондоне, который мы тоже посетили, оно называлось андерграунд, а вот в Петрограде ничего такого не было. Ходили слухи, что, дескать, не мешало бы построить подземку в Москве, но они так и остались слухами... Рядом с нами была церковь Козьмы и Дамиана – храм лейб-гвардии Саперного батальона. Там еще стоял памятник саперам, погибшим во время войн – парящий бронзовый орел над гранитным постаментом.

– Теперь там уже есть метро, – устало произнес майор. – А вот ни храма, ни памятника нет. Впрочем, продолжайте, поручик.

– Учился я сначала в Анненшуле, там же, при кирхе. По-

том, в 1910 году, родители неожиданно приняли православие, и меня перевели в русскую гимназию...

– Расскажите лучше про свою военную карьеру.

– Я закончил ускоренные офицерские курсы в 1915 году и оказался в 8-й армии генерала Брусилова в чине прапорщика. Участвовал во взятии Перемышля, за храбрость (хотя какая там храбрость – просто мне повезло) был досрочно произведен в чин подпоручика. А потом было Великое отступление.

– Слышал о таком, – покачал головой майор.

– В шестнадцатом году участвовал в Луцком прорыве – его еще именовали Брусиловским. Тогда же получил чин поручика и орден Святого Георгия четвертой степени. После февральского переворота остался в армии, тогда же был награжден Георгиевским крестом третьей степени – согласно решению Временного правительства, офицеры могли получать солдатские медали, а солдаты – ордена. В декабре того же года часть наша была расформирована, и я оказался в Киеве, где в восемнадцатом году примкнул к генералу Федору Артуровичу Келлеру. Но как вам, возможно, известно, Скоропадский вынудил графа уйти в отставку, а после бегства гетмана с немцами пришли петлюровцы и убили как самого генерала, так и множество других русских офицеров.

– А каким образом спаслись вы?

– После отставки графа Келлера я решил не ждать у моря погоды, а податься к генералу Деникину. Воевал у него и у

генерала Врангеля. Последние боевые действия были на Перекопе, потом нас отозвали в Севастополь и объявили о скорой эвакуации. Я оказался одним из тех, кто поверил большевистским листовкам и решил остаться в городе – не тянуло меня ни в Турцию, ни в Европу. Я был расстрелян в ноябре двадцатого года вместе с офицерами армии Врангеля, поверившими в амнистию, объявленную большевиками. Как я попал сюда, не знаю – полагаю, не обошлось без Божьего промысла.

– Понятно, – майор встал со стула, потянулся и несколько раз прошелся по комнате. Я заметил, что он слегка прихрамывает. – Ну что ж, как бы странно это ни звучало, но я вам верю – будь вы «засланным казачком», то наверняка придумали бы менее фантастическую легенду. Да и сумасшедшим вас тоже никак не назовешь. К тому же я немного знаю Питер и вижу, что вы действительно жили в нем в начале двадцатого века. Что же касается боевого опыта, то у вас его хоть отбавляй. Опыта командования, как я понял, тоже вполне достаточно. Не хотите ли продолжить службу в рядах ополчения Донецкой Народной Республики?

– Хочу. – Я встал и взглянул в лицо допрашивающего меня майора. – Вот только опыт у меня, скажем так, столетней давности. Ну, почти. Я не знаю ни ваших уставов, ни новых тактических приемов, ни вашего оружия.

– Поэтому-то я и хочу предложить оставить вам звание старшего лейтенанта – он примерно соответствует поручику

царской армии – и должность заместителя командира вновь сформированной роты батальона «Восток». Ваши солдаты почти все служили в армии – кто в советской, кто в украинской. Командовать ротой будет человек с опытом войны в Афганистане – не удивляйтесь, в советское время мы успели повоевать и там. Я, кстати, тоже побывал «за речкой». Старший лейтенант Студзинский также будет служить в вашем батальоне, только в разведке. Сержант Тулуш останется с вами – будет заместителем командира разведвзвода. Он вообще-то хотел попасть в кавалерию, да только у нас нет такой, от слова совсем...

– То есть как это нет? – удивился я. – А как же вы воюете-то?

– Времена изменились, товарищ старший лейтенант. Впрочем, вы сами все увидите. Завтра получите обмундирование и снаряжение, какое найдется – уж извините, с запасами амуниции у нас плоховато. И отправитесь туда, где вы оказались в наше время – на Саур-Могилу. Вот только для вас будет лучше, если вы больше никому не станете рассказывать, откуда вы здесь появились и как сюда попали, чтобы вас потом не уpekли в донецкую лечебницу для душевнобольных...

*2 августа 2014 года. Донецкая Народная Республика.
Старший лейтенант Фольмер Андрей Иванович, бригада
«Восток»*

Моя служба в народном войске началась с того, что один из здешних воинов, представившийся прапорщиком Тарасом Москаленко, повел меня на склад, чтобы, согласно приказу господина, пардон, товарища майора, экипировать и вооружить волонтера, то бишь меня. Прапорщик был хмур и неразговорчив. Видимо, мой внешний вид не располагал его к задушевной беседе.

Я, в свою очередь, даже не пытался побыстрее завязать с ним знакомство. Гражданская война – это такая штука. А у них тут идет форменная гражданская война. Единое государство, именуемое Союзом Советских Социалистических Республик (ну и названьице!), как когда-то Российская империя, распалось на несколько мелких, которые часто враждовали друг с другом. Как мне рассказывали мои сослуживцы по ВСЮР⁷, нечто подобное уже происходило в этих местах. Большевицкая армия Кривдонбасса⁸ жестоко воевала с немцами и австрийцами, в обозе которых околачивались ряженные под гайдамаков отряды УНР.

Надо сказать, что хотя мы и были против большевиков, но эти убогие придурки, гордо называвшие себя казаками и гордившиеся гетманом Мазепой, предавшим царя Петра Великого и переметнувшимся к шведам, вызывали у нас еще

⁷ Вооруженные силы Юга России – так называли части, воевавшие против Красной армии под командованием генерала Деникина и барона Врангеля.

⁸ Так попросту называли созданную в феврале 1918 года большевиками Донецко-Криворожскую советскую республику.

большее омерзение.

И вот история повторилась. Снова под знаменами Мазепы его последователи начали войну против России. Причем зверствуют они и сейчас так же, как это делали их предки. Помню, поручик Григорьев из моего взвода рассказывал, как по приказу Центральной Рады в Киеве был схвачен брат известного большевика Григория Пятакова, Леонид Пятаков, который, кстати, тоже был отъявленным большевиком. Ротмистр Украинского гусарского полка Журавский со своими живодерами жестоко с ним расправились. Его не расстреляли, не повесили, а, вволю поглумившись, предали лютой казни. На груди, на месте сердца потом обнаружили глубокую рану, просверленную, очевидно, шашкой, а руки Пятакова были совершенно изрезаны. Похоже, что у него, еще живого, вырвали из груди сердце, и он конвульсивно хватался за клинок сверлящей ему грудь шашки. Да, гражданская война – самая страшная из всех войн. И не дай бог стать ее свидетелем, а тем более участником. Как там Пушкин писал в «Капитанской дочке»: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая голова полущка, да и своя шейка копейка...»

На складе мне выдали странную пятнистую униформу, мало похожую на парадный мундир, но, как я убедился, весьма удобную в носке. Она была далеко не новой, но хоро-

шо постиранной и не рваной. Заглянув в какую-то бумагу, неразговорчивый прапор выдал мне звездочки, которые я сам должен был прикрепить на матерчатые погоны.

А вот обуви моего размера не нашлось. Но я и не унывал – незадолго до того, как большевики и их приспешники-махновцы прорвались в Крым, мои сапоги, в которых я воевал еще до большевистского переворота, окончательно износились, и я пошел по рекомендации одного моего сослуживца к еврею-сапожнику в Армянском Базаре. Еврей, как и положено, был в ермолке, с пейсами, в черном костюме. Я бы ни за что его не узнал, если бы он низко не поклонился и воскликнул:

– Господин офицер, помните меня?! Я Ицик из Мелитополя. Вы спасли меня и мою семью от петлюговцев!

– Здравствуй, Ицик. Сделаешь мне сапоги?

– Сделаю, господин офицер, за бесплатно сделаю. Самые лучшие.

– За бесплатно не надо, а вот если будет подешевле, буду тебе весьма благодарен.

Через три дня сапоги были готовы – мягкая, но прочная кожа, легкие, но ноские, нигде не жмет... И взял он с меня раза в три меньше, чем они реально стоили – да и то лишь после того, как я пригрозил их не брать, если он откажется от денег. Так что менять их на другие я не торопился.

А вот визит в здешний арсенал стал для меня чем-то вроде посещения пещеры сказочного Али-Бабы. Какого только

оружия там не было! Одна загвоздка – знакомых мне винтовок и пистолетов там не оказалось вообще, ни наганов, ни трехлинеек, ни даже берданок.

Прапорщик еще более посмурнел – в глазах его читался немой вопрос: «Как же вы воевали до сих пор, товарищ старший лейтенант?» Подумав, он выдал мне пистолет ТТ и автоматический карабин АК-74, после чего дотошно объяснил мне, как ими пользоваться, как их разбирать-собирать и как их чистить.

– Пойдемте в подвал, там у нас оборудован тир, – сказал он. – Заодно и попробуете их.

Пистолет оказался неплох, хотя мне больше нравится наган. Зато чудо-оружие – произведение неизвестного мне Калашникова – очаровало до глубины души, хотя сначала мне не показался более легкий патрон, чем у знакомой мне «мосинки». Но тридцать выстрелов и возможность стрелять очередями, как этакий облегченный пулемет... Да, выстрелов было «все» тридцать – более чем достаточно для одиночного огня, зато для стрельбы очередями очень мало. Да и задирало ствол вверх при длинных очередях.

– Хорошо вы стреляете, товарищ старший лейтенант, – с некоторым уважением сказал мне прапорщик. – А теперь я покажу вам ваше место в казарме. Впрочем, долго вы там все равно не задержитесь – послезавтра вам следует быть уже на фронте.

На следующее утро я познакомился со своим новым ко-

мандиrom, капитаном Тагиром Халиловым. Капитаном – и это несмотря на то, что на его погонах были один просвет и четыре маленькие звездочки, как у штабс-капитана. Хан (такой у него был позывной) мне сразу понравился – было ясно, что боевого опыта у него хоть отбавляй. Я запросил у него устав, что его несколько удивило, но он распорядился мне их выдать. «Их», потому что в число обязательных уставов входили целых четыре.

– И это, – сказал капитан, – только общевойсковые уставы: устав гарнизонной службы, устав внутренней службы, дисциплинарный и строевой уставы.

Я взял для начала строевой и проштудировал его от корки до корки. Мне очень повезло с памятью – я могу один раз прочитать книгу или даже список формул и запомнить все более или менее дословно. А устав был вполне разумным, хотя многое в нем было непонятно – я, конечно, слышал про танки, но в наше время это были огромные ромбовидные английские сундуки, либо маленькие французские «Рено FT» образца 1917 года. Но это ладно, а что такое, например, гранатомет на станке? А тем более бронетранспортер?

Поэтому я попросил, чтобы меня заодно познакомили и с имеющимся вооружением – танков и бронетранспортеров, как мне сказали, в части не было («вот отобьем их у укропов, тогда будут»), зато мне очень понравились гранатометы и минометы (у нас на фронте я встречал что-то похожее, только назывались они бомбометами), да и ручные пулеметы

были неплохими. Вот только было их маловато – всего два ручных пулемета на всю роту и ни одного станкового.

А вчера у нас был первый бой. Гранатометчики из своих РПГ сработали на «очень хорошо» – подбили два бронетранспортера «азовцев», а вот ручных пулеметов нам явно не хватало, и как мы удержались на позициях, одному Богу известно. Я не выдержал и пошел к капитану Халилову с вопросом, нельзя ли где-нибудь раздобыть хоть один нормальный пулемет, пусть даже самый заваливающий. Тот подумал и сказал:

– Нет у нас, Фриц (такой у меня теперь был позывной), ни одного. Впрочем... Отбили мы намеренно один такой у «азовцев». Но это знаешь, какое еще старье – «максим» образца девятого, что ли, года.

– Тысяча девятьсот десятого, – поправил я.

– Может, и так.

– А где он?

– Спроси у прапорщика Москаленко.

Помню, как в офицерской школе я много раз разбирал и собирал этот агрегат для массового убийства. А потом, уже на фронте, под наблюдением унтер-офицера из пулеметной команды, научился налаживать и даже чинить сие громоздкое и тяжелое – весил он без малого четыре пуда – оружие. «Максим» мог выпускать до шестисот пуль в минуту, но требовал тщательного ухода за собой и часто беспричинно начинал капризничать, словно избалованная гимназистка.

– Он в подсобке, – сказал мне Москаленко. – Только что с ним делать? Пробовали наладить – ни хрена не получилось.
– Покажите, может, у меня чего получится.

Москаленко открыл неприметную дверь и провел меня в чулан. Пулемет стоял у стены. Я внимательно осмотрел его и понял, что он вполне исправен, но нуждается в наладке. Не считая это для себя зазорным, я часто помогал нашей пулеметной команде приводить в порядок «максимы». Поэтому, попросив у прапорщика инструмент, я занялся хорошо знакомой мне работой. И через полчаса уже докладывал Хану:

– Товарищ капитан, пулемет «максим» готов к бою. Если найдутся еще, отремонтирую и их.

Халилов пристально посмотрел на меня, покачал головой и сказал:

– Благодарю вас, товарищ старший лейтенант. Вот только, если можно, скажите мне правду. Из какого времени вы к нам попали?

2 августа 2014 года. Саур-Могила.

Старший лейтенант Студзинский Михаил Григорьевич, разведка батальона «Восток»

– Шнель! Шевели ногами, скотина, ферфлюхтес швайн! – Я толкнул в спину дулом автомата жирдяя в щегольской форме с нашивкой на рукаве связанных сзади рук, на которой был изображен один из нацистских символов, а над ним надпись «Азов».

«Азовец» что-то промычал в ответ – рот ему мои ребята заклеили клейкой лентой, и получилось не хуже, чем если бы его заткнули кляпом, – но покорно поплелся дальше, прибавив скорости. А сержант Женя Панченко, он же Ланжерон, сказал мне со смехом:

– Что-то вы ему все время по-немецки говорите, товарищ старший лейтенант. Только он, наверное, такой же хохол, как и я.

Надо будет ему поставить на вид, подумал я, в разведке я не «товарищ старший лейтенант», а Кашуб – такой себе выбрал позывной. Да и какой Женька, к такой-то матери, хохол? Родился и вырос в Одессе, прошлой зимой учился в Киевском университете, и даже, по его словам, «пару раз ходил на майдан» – так, оказывается, именуется теперь площадь Калинина из моего времени. Там, по его рассказам, были ежедневные антиправительственные бесновалища. Но после пары визитов он понял, что с теми, кто туда ходил, ему было явно не по пути. А окончательную точку над его пребыванием в «матери городов русских» поставило массовое сожжение людей в Одессе, где погибло почти пятьдесят человек, в том числе и кто-то из Жениных знакомых. Что меня больше всего поразило в этом рассказе, это то, что убивали безоружных людей самые настоящие нацисты, как и то, что их новая власть в Киеве не тронула, зато арестовала тех, кто выжил в этом огненном аду.

Именно тогда он прибыл в городок под названием Сла-

вянск, где небольшой отряд ополченцев всего с одним оружием больше месяца держал оборону. Только когда возникла опасность полного окружения, защитники города скрепя сердце ушли в Донецк. Женю – теперь уже Ланжерона – вывезли в санитарной машине, и он провел больше месяца в больницах Донецка. А почему в «больницах»? Да потому, что первую обстреляли и частично разрушили «укропы» – так здесь именуют украинских националистов. А тех, кто уцелел, перевели в другую больницу.

В Славянске он и попал в разведку – и хоть ему не хватало знаний, опыт он приобрел бесценный, и служил не на страх, а на совесть. Но вот дисциплина у него, однако, еще хромает – пусть мы у Сидора Артемьевича были и партизанами, но там все было обставлено так, что кадровые военные позавидуют. И звания у нас были, как в армии. Во всяком случае, того хаоса, которого я вдоволь насмотрелся под Харьковом в сорок втором, там и в помине не было.

Родился я в станице Луганской, в семье отставного казачьего урядника Ивана Степановича Апостолова, в тысяча девятьсот двадцать четвертом году. Мама, Ариадна Ивановна Левченко, была из местных «иногородних». В двадцать пятом отец скоропостижно умер – как сказал фельдшер, по причине старых ран, полученных еще в Империалистической войне, да и, что уж греха таить, и во время Гражданской.

А в двадцать шестом мать вышла замуж за Григория Лео-

польдовича Студзинского. Он был из померанского Лауэнбурга, воевал в составе кайзеровской армии, потом попал в русский плен. Когда произошла Революция, он поступил на службу в Красную армию, да не просто в армию, а в 5-ю армию, которой командовал товарищ Ворошилов. Вместе с ним он отступал под Царицын, где познакомился с товарищем Сталиным. Потому-то, когда на иностранцев стали коситься, и на отчима в НКВД какая-то сволочь настрочила несколько доносов, он написал Клименту Ефремовичу в Москву, и больше к отчиму никто с дурацкими вопросами не приставал.

Григорий Леопольдович заменил мне отца и дал мне фамилию и отчество. У мамы было шестеро детей от первого брака, не считая меня, и еще трое от второго. Я не знаю, что с ними теперь, ведь старшие братья и одна моя сестра ушли в армию, а младшие братья и три другие мои сестры остались на оккупированных территориях.

Сам же я закончил ускоренные командирские курсы и был послан взводным в 987-й полк, и успел поучаствовать как в наступлении под Харьковом, так и попасть там в окружение. В плен я сдаваться не собирался, но выйти из-под Харькова мы сумели лишь на северо-запад, где и наткнулись на отряд, которым командовал Сидор Артемьевич Ковпак. Проверяли нас там – как же без этого, – а потом сказали, мол, парень ты отчаянный, а нам как раз разведчики нужны. Не хочешь ли попробовать себя на этом поприще? Так я и стал развед-

чиком.

Довели мы обоих «языков» до расположения наших, и я сорвал ленту, которой был заклеен рот того, кто мычал, словно больная корова. Тот неожиданно встал в позу и заверещал:

– Jestem obywatelem polskim i wymagam telefon do konsulatu⁹.

Вот так вот, ни больше, ни меньше.

Тут я не выдержал и от всего славянского сердца закатал ему прямой в солнечное сплетение, после чего велел снова залепить его поганый рот. Много чего я видел за те полтора года, которые провоевал у Деда Ковпака. Но одно из самых ярких воспоминаний осталось от того, что я увидел в польском селе во время нашего рейда в Карпатах. Женщины и дети с отрубленными руками, перепиленные пополам двуручной пилой, беременная, у которой вырезали из живота плод... И вырезанные на теле у многих убитых трезубцы и буквы «УПА».

Чего я только ни насмотрелся за время войны, но после того, что увидел тогда, меня вывернуло наизнанку. А потом мне показалось, что где-то кто-то был, и я успел схватить за руку грязного и худого хлопчика, впившегося зубами мне в предплечье. Я сказал ему по-польски, что я друг, и отпустил его. Потом достал из мешка буханку хлеба и кусок сала, на-

⁹ Я польский гражданин и требую, чтобы мне дали возможность связаться с консульством Польши.

резал ломтями и показал на все это пальцем, добавив, мол, ешь, только не все сразу, а то можно умереть.

Пацана этого я привел к своим и отдал санитарам, а потом несколько раз навещал. Он рассказал, что в их деревню пришли люди, назвавшиеся советскими партизанами. Им на радостях поляки накрыли столы, накормили. А потом те неожиданно напали на селян, сначала поубивали мужчин, а потом начали насиловать женщин и даже детей. А затем убили всех до единого, причем не просто убили, а так напоследок поизмывались над людьми, как себе не позволяли себе делать даже немцы из СС. Войтеку – так звали мальчика – сразу не понравились эти «партизаны», и он от греха подальше сбежал из деревни, что и спасло ему жизнь.

Поэтому-то, будь моя воля, я бы убивал на месте всех последователей УПА. А поляков, которые пришли им помогать – в первую очередь. Ведь я и сам пусть по происхождению не поляк, но мой отчим, который заменил мне отца, научил меня кашубскому и польскому – именно в его честь я взял позывной Кашуб. И то, что я увидел в той безымянной польской деревушке, запомнилось мне на всю жизнь еще и потому, что поляки для меня были почти родными. А эта сволочь помогает наследникам немецких холуев. Какой он, пся крев, после этого поляк?!

3 августа 2014 года. Саур-Могилла.

Сотник армии Украинской Народной Республики Зин-

чук Григорий Александрович

Най бы тэбэ шляк трафив!¹⁰ Обидно до слез... Еще недавно я был личным адъютантом – и не только – его высочества герцога Вильгельма-Франца фон Габсбург-Лотрингена, он же – полковник Васыль Вышиваний, командир Сечевых стрельцов армии Украинской Народной Республики. А в будущем, возможно, и король Всея Украины. И если бы не ревность...

Жизнь в Каменце-Подольском, где находился штаб Васыля, была вполне приятной – никакого риска, хорошая еда, дорогие вина, а что за это приходилось расплачиваться ночами в постели его королевского высочества, так к этому я привык, и мне это уже даже начало нравиться. Но не так давно у Васыля появился новый фаворит – некий поручник (именно так в армии УНР именуются поручики) Тарас Стецько. Нет бы мне проявить сдержанность – меня из постели моего патрона не выгнали, он хотел лишь наших ласк по очереди, – но я устроил сцену, после чего меня послали в Мелитополь останавливать наступление клятых денкинцев.

Перед приходом врага мои хлопцы учинили там небольшой погром – делать-то все равно было нечего, а жида – давний враг украинского народа. Это я впитал еще с материнским молоком и баткиной горилкой. Но белые наступа-

¹⁰ Нехорошее пожелание оппоненту на галицийском наречии. «Най» – это «пусть», «чтоб». «Шляк трафив» – скорее всего, восходит к немецкому «Schlag treffen», которое можно перевести как «удар хватил». Русский перевод всего выражения: «А чтоб тебя...»

ли так быстро, что ворвались в Мелитополь во время нашей «акции». Я только-только собрался разложить пейзажного отпрыска какого-то сапожника – с его жены и дочерей срывали одежду мои подчиненные, а сам он, избитый, валялся в углу в разодранном лапсердаке – как открылась дверь, и в дом ворвались ненавистные москали, во главе с моим старым знакомым еще по Ораниенбаумской офицерской стрелковой школе Андреем Фольмером.

Это было последнее, что я запомнил – в его руке полыхнул огнем наган, и я провалился в небытие, проклиная эту сволочь на чем свет стоит. А ведь когда-то мы с ним дружили – точнее, он относился ко мне, как к другу, а я тайно его ненавидел. Во-первых, он был немцем, а я знал, что им всегда отдается предпочтение над нами, русскими (я тогда считал себя русским и даже входил в «Союз русского народа»), а, во-вторых, у него все получалось играючи – и обучение, и стрельба.

Он вообще-то собирался стать инженером и, как когда-то его отец, поступил в Санкт-Петербургский университет. Но когда началась война, он вместо этого записался на ускоренные курсы в ООСШ. Мол, моя семья хоть и немецкая, но она поколениями служила России. В общем, наговорил кучу всякой ерунды, которую тогда печатали в столичных газетах.

В сентябре я уговорил его тайно выбраться из училища и посетить одно хорошо известное заведение, где, несмотря на

запрет¹¹, можно было купить вина или чего покрепче. Этот германец в конце концов согласился сходить со мной, и по возвращению в школу мы напоролись на патруль. Он сумел отвлечь внимание на себя и получил серьезное взыскание, тогда как я успел убежать. Наказание ему усугубило еще и то, что он отказался называть мое имя. Но если вы думаете, что я за это проникся к нему благодарностью, то вы ошибаетесь – я тайно возненавидел его еще больше.

Взыскание не помешало ему закончить ускоренные курсы с отличием; ему даже предлагали учиться в школе дальше. К этому немцу благоволил сам начальник училища генерал Федоров. Но благоволил ему, а не мне, хотя я, если бы мне предложили такое, ухватился бы за это предложение обеими руками. Но ему, видите ли, не терпелось уйти на фронт, и мы с ним попали в битву у стен австрийской крепости Перемышль, которую российская армия выиграла. А я при первой же возможности сдался в плен – ведь одно дело учиться в офицерской школе, другое – лезть в бойню, по недоразумению именуемую «Второй Отечественной войной».

Пленили меня, к моему счастью, уланы из 13-го австрийского полка, состоявшего из галичан. Узнав, что я малоросс и родился в Луцке – центре Волынской губернии (я не стал им говорить, что последние годы провел в Петербурге), со

¹¹ В Российской империи по указу императора Николая II с 19 июля 1914 года был введен полный запрет на производство и продажу всех видов алкогольной продукции.

мною начали обращаться намного лучше, чем с москалями. И в первый же день меня увидел сотник первой сотни, герцог Вильгельм-Франц, поговорил со мною, получил мое согласие перейти в его полк и велел меня освободить. В ту самую ночь я впервые сыграл роль его походной жены – не могу сказать, что мне тогда это понравилось, во вкус я вошел позже. А на следующий день меня назначили его адъютантом – как потом оказалось, тот, кто до меня исполнял эти «обязанности», не хотел подставлять свою дупу австрийскому герцогу. Да и, по словам Васыля (так мне начальник велел себя называть), я ему больше понравился. И жил бы припеваючи и дальше в Каменце, а не погиб бы от пули своего давнего друга-недруга, если бы...

Будучи в составе 13-го полка, я перешел из православия в греко-католическую веру и узнал, что в ад попадают лишь самые злостные грешники и особенно еретики – такие, как москальи, – а те, кто принадлежит к католической вере в той или иной форме, как правило, попадают в чистилище на много-много лет. Если они, конечно, не безгрешные, но, увы, мужеложец, каким я стал стараниями Васыля, на немедленный рай претендовать не может.

И поэтому, когда я обнаружил себя целым и невредимым у подножия холма в теплый летний день, я решил, что это и есть чистилище. Я посмотрел на себя – на мне все еще была форма сотника армии УНР, голубые погоны с одной желтой линией и тремя звездочками над нею – причем на френче не

было ни единой прорехи, грудь не саднила, да и чувствовал я себя прекрасно. Вот только нужно было понять, где я нахожусь и что мне делать.

Я пошел по тропинке вдоль холма и почти сразу же наткнулся на десяток людей в необычной пятнистой форме, с шевронами в цветах украинского флага, только почему-то перевернутых¹². «Пятнистые» с ходу наставили на меня странные короткие карабины.

– Ты кто такой? – спросил меня один из них, почему-то москальской мовою.

– Сотник Сичовых стрільців Зынчук, – отрапортовал я. – А вы кто?

– Слушай, Серега, он и правда похож на сотника, – по-москальски же воскликнул второй. – Ты ведь помнишь – я в свое время тоже в реконструкциях участвовал и изображал сотника, но только у этого форма как настоящая.

– Откуда у тебя все это? – грозно спросил меня первый.

– Я ж вам говорил, – перешел я на тот же язык, успевший мне опротиветь. – Я сотник Сечевых стрільців, сначала служил в австрийской армии, потом в армии УНР.

– Может, ты еще Василя Вышиваного знал? – усмехнулся тот, второй.

– Знал, очень хорошо знал. – Мне не хотелось рассказывать этим странным военным о том, чем мы занимались с

¹² Флаг УНР был желтым сверху и голубым снизу, флаг теперешней Украины – наоборот.

Вышиваным, и потому я решил сразу взять быка за рога. – Я был его адъютантом. – Пошарив в кармане френча, я достал удостоверение, в котором до сих пор числился таковым – никто у меня его так и не забрал.

– Тю-ю! – сказал тот, второй. – Слушай, Серега, и эта бумага выглядит, как настоящая, вот только совсем новая.

– Разберемся, – коротко бросил тот. – А сам-то ты как сюда попал?

– Был расстрелян белыми в Мелитополе. А потом оказался каким-то чудесным образом здесь – видите, даже дырок на форме не осталось.

– Покажи пистолет, – сказал второй.

Я достал «маузер» M1910¹³ из небольшой кобуры, сделанной из желтой кожи, и отдал ему.

– Тю-ю! – повторил он то же междометие. – Серега, глянь, а этот пистоль настоящий. – Он выщелкнул обойму и взглянул на пули. – И эти тоже настоящие, австрийские, я такие только в музее видел. Слушай, а может, он не врет?

– Ты что, Валька, в сказки веришь? Начитался всякой ерунды про «попаданцев». Тем более на нем ни одной дырки нет. А он нам тут лапшу на уши вешает, что его в Мелитополе какие-то белые расстреляли. А там наши – это я точно тебе могу сказать.

– Дырок и в самом деле в нем нет. Да все остальное слиш-

¹³ Не путать со знаменитым «маузером» К-96, длинноствольным пистолетом с деревянной кобурой-прикладом.

ком уж смахивает на правду. Давай-ка отведем его к ребятам из СБУ, пусть они во всем разберутся. Они хорошо умеют это делать...

4 августа 2014 года. Саур-Могила.

Сержант Эбергарт Алексей Антонович, позывной «Шваб», бригада «Восток»

– Ну что ж, товарищ сержант, наш с тобой выход, – улыбнулся товарищ старший лейтенант.

И мы, пригибаясь, покатали «максим» по окопу на правый фланг, где была загодя оборудована заранее подготовленная позиция. Именно там только что замолчал один из наших ручных пулеметов, и правосеки внаглую перли на наши позиции.

Кряхтя, мы закатали пулемет на предназначенное ему место, вставили в него ленту, которую я вчера весь вечер набивал, и пулемет застрочил ровно, как швейная машинка – с ужасающим эффектом для укропов, тем более что их застали врасплох, и ничего подобного они не ожидали.

А пулемет все бил и бил – укропам было бы лучше залечь, но большинство из них продолжали идти на нас, как каплевцы в кинофильме «Чапаев». Они были довольно легкой целью для Фольмера. Потом он, воспользовавшись паузой, пощупал кожух «максима», вставил новую ленту и передал пулемет мне. Я продолжил стрельбу, а мой напарник одобритительно закивал – похоже, я не ударил лицом в грязь. Еще

бы, ведь мне в Афгане довелось пострелять из MG3 – он, конечно, полегче будет, да и выстрелов в минуту делает в два с небольшим раза больше, но принцип такой же. Не зря же его прародителя – пулемет MG42 – союзники на фронте называли «Косторезом Гитлера».

После боя старший лейтенант посмотрел на меня и сказал:
– Ну что ж, сержант, поздравляю. С завтрашнего дня это твоя машинка, – и он любовно погладил «максим». – Не забывай, чему я тебя учил. Впрочем, стрелять ты и правда умеешь. А вот ухаживать за «максимкой» нужно так, чтобы он не обиделся и не подвел тебя в бою. Поверь мне, в каждом механизме существует что-то вроде души, и он хорошо чувствует хорошее к себе отношение.

– Товарищ старший лейтенант... – и я замолчал, мне было немного неловко задавать вопрос, касаемый меня лично.

– Что такое, сержант? Говори прямо, не стесняйся.

– Можно вас спросить? Ну, в общем...

– Да ладно, мы на фронте все вроде как родня.

– У меня... знаете ли... дед по отцовской линии был тоже Фольмер.

– А вот это уже интересно. И откуда он был родом?

– Жил он в Питере, есть там такой дом Бака на Кирочной.

– Знаю такой дом. И как его звали?

– Иван Иванович, – сказал он. – Родился он в двадцать третьем году.

– А его родителей звали случайно не Иван и Анна?

– Именно так, – удивился я. – У него еще были старший брат – звали его, как и вас, Андреем – и старшая сестра, Мария. Их он ни разу не видел – Мария умерла от тифа в двадцатом году. А Андрей, говорят, погиб на Гражданской.

– Андрей не погиб в бою, – покачал головой старший лейтенант. – Он поверил Фрунзе и остался в Крыму, когда части генерала Врангеля уходили из Севастополя. И его расстреляли по распоряжению Розы Землячки.

– Вы уверены, что его именно расстреляли?

– Уверен. – Это было сказано таким тоном, что я понял – старший лейтенант это знает точно. – А что было дальше с твоим отцом?

– Дедом, товарищ старший лейтенант. В сороковом он поступил в Ленинградский университет, а в июле сорок первого ушел на фронт добровольцем в дивизию народного ополчения. А незадолго до этого он женился на моей маме, Марфе Апостоловой – она была из станицы Луганской. Они познакомились в Крыму, а на третий день он решился и сделал ей предложение. В сентябре того же года пришел приказ наркома обороны об увольнении всех немцев из состава действующей армии. Но дед договорился с командиром, и его записали Апостоловым. Вернулся с войны он с тремя орденами и без ноги. Бабушка пережила всю блокаду – а вот его родители погибли в первую же осень. У прабабушки была подруга, жившая в Красном Селе, у которой был свой огород. Они поехали к ней в гости, ну и овощей немного взять –

и попали под бомбежку. Бабушка даже не знала, что и думать – они вдруг пропали, – а потом ей сообщили об их смерти. И она осталась одна в их квартире.

К моему удивлению, глаза у старшего лейтенанта заблестели, но он быстро совладал с собой и задал следующий вопрос:

– А почему ты тогда Эбергардт? Твой предок не был случайно командующим Черноморским флотом во время Великой войны? Ее еще называют Первой мировой. Кстати, он тоже жил и умер в Петрограде.

– Нет, адмиралов у нас в роду не было. Отец – звали его Антоном Ивановичем Апостоловым – женился на русской немке, Анне Францевне Эбергардт, из Караганды – это в Казахстане. И в девяносто первом она уговорила его эмигрировать в Германию. В то время это было довольно-таки просто. Мне тогда только-только исполнилось шесть лет... Переехали мы в Эссlingen под Штутгартом. Мои предки по материнской линии – швабы, из тех мест.

– По линии прадеда Иоганна тоже, – кивнул старший лейтенант.

– Не знал... а прабабушка Анна?

– Она родом из Курляндии.

– Так вот, при переезде в Германию я и получил фамилию матери – немцы уговорили родителей, сказав им, что с немецкой фамилией мне будет легче учиться в школе. А отец стал Апостоловым-Эбергардтом, там положено, чтобы была

общая фамилия. После гимназии я пошел служить в бундесвер – немецкую армию. А потом мне вдруг захотелось приключений на свою задницу. Тогда в Германии набирали добровольцев в Афган, и я оказался в Кабуле. Воевали мы мало – в основном нашей задачей была охрана военных объектов, а также гостиницы, где жили иностранные журналисты. Но пару раз мне довелось поучаствовать в бою.

– Там ты и наловчился стрелять из пулемета?

– Именно так. Из немецкого МГЗ – это весьма неплохая машинка.

Тут я задумался. Вообще та война запомнилась совсем не этим. Во-первых, именно там я впервые почувствовал, что я пусть и немец, но второго класса – все офицеры в части были из Западной Германии, тогда как рядовые и унтер-офицеры были в основном русские немцы, плюс десяток восточных немцев и три турка с немецкими паспортами. С офицерами отношения у нас не складывались, как, впрочем, и у восточных немцев. Разве что турки каким-то непостижимым образом смогли втереться в доверие к нашему лейтенанту – только с ними мы не особо-то дружили.

Когда мы прибыли в Кабул, нам строго-настрого приказали по-русски на улицах не говорить. Но мы быстро выяснили, что местные не очень-то любят английскую речь, к немецкой относились нейтрально, а когда один мой сослуживец что-то сказал мне по-русски, лавочник чуть ли не бросился нам на шею – мол, какие русские были хорошие, и ка-

кие мы были дураки, что этого тогда не понимали¹⁴.

И больше всего мне запомнились не боевые выходы (впрочем, ничего особо интересного там не случилось), а один раз, когда мы с Сашей Риделем стояли на часах у отеля «Серена». Перед гостиницей находился довольно-таки большой двор с фонтаном посередине. Так просто туда было не попасть – двор был окружен высокой стеной со спиралью Бруно сверху, въезд загораживали тяжелые стальные ворота, и пускали туда только постояльцев и тех, кто получал «добро» на въезд от администрации гостиницы – как правило, либо персонал, либо новые постояльцы. Даже еду, воду и прочие припасы доставляли сотрудники гостиницы на служебных автомобилях. Поэтому наше присутствие там было скорее для проформы – или так нам это казалось.

И вдруг через стену перелетает ракета. Судя по всему, она должна была ударить по зданию гостиницы. Но ракета неожиданно изменила курс и врезалась в фонтан. Я уже мысленно успел распрощаться с жизнью, а мой напарник пробормотал: «Господи, спаси нас, грешных!» Помогла ли молитва либо нам очень повезло, но ракета не взорвалась. Потом нам рассказали, что сработай она, и остались бы от нас рожки да ножки... Как бы то ни было, именно тогда я уверовал в Господа и, вернувшись в Германию, стал исправно ходить в церковь.

Мой контракт потом не продлили из-за трений с моим

¹⁴ Здесь и далее основано на реальных событиях.

лейтенантом; впрочем, я вообще-то хотел учиться, а следующая командировка намечалась в суданский Дарфур, куда мне хотелось еще меньше, чем в Афган. Так что я уволился, поступил в университет в Карлсруэ на информатику и закончил его за шесть с половиной лет – быстрее, чем большинство студентов.

Я нашел работу в небольшой фирмочке в Штутгарте – жил же я у родителей в Эсслингене. Альтернативой была бы возможность поселиться в какой-нибудь коммуналке в Штутгарте, но зачем? Родители мне, как правило, не мешали, баб водить мне позволялось, а кое-какую работу по дому – посуду там помыть или пропылесосить – мне пришлось бы делать и в собственном жилье. Тем более мама готовит бесподобно. А жили родители в двух шагах от остановки S-бана, так в Германии именуют пригородную электричку, и дорога на фирму занимала двадцать пять минут без единой пересадки.

Но один раз – в начале лета прошлого года – мама объявила мне, что к нам из Донецка приедет моя троюродная сестра по линии Апостоловых – внучка бабушкиной сводной сестры. И что развлекать ее придется в основном мне – «мы бы рады, но зачем ей старшее поколение?»

Ну что ж, подумал я, отпуск у меня уже одобрили, и я собирался ехать с одной знакомой на Ибицу. Но тут она, видите ли, решила, что я не даю ей самореализоваться, и потому пора прекратить наши отношения. Каким образом я мешал ей это делать, так и не понял – она вообще делала то, что

хотела, но немки (не путать с русскими немками) – особый народ. Ну что ж, подумал я, баба с воза – кобыле легче. И только собрался перенести отпуск на попозже, как мне как снег на голову свалилась Ариадна.

Не могу сказать, что я жаждал этой встречи – для меня все гости из бывшего СССР казались провинциалами, а я считал себя настоящим патентованным немцем. Но когда я ее увидел, то чуть-чуть не влюбился окончательно и бесповоротно – она была необыкновенно красива, умна, с классным чувством юмора, умела одеться так, что ни одной немке и не снилось – как и большинству русских немок, приехавших из казахской глубинки. Хорошо еще, что я вовремя вспомнил, что она моя близкая родственница... Но две недели отпуска – и выходные до и после, а также многие вечера – мы провели очень даже весело. Я ее куда только ни возил – в Париж, Эльзас, Берн (который куда красивее Цюриха), Люцерн, Милан, Флоренцию, Рим (где мне поцарапали машину, но оно того стоило), а на обратном пути – Ницца, Канны, Монако, Лион... Вот только насчет политики мы не могли прийти к консенсусу – я считал, что всем странам бывшего СССР необходима настоящая демократия европейского типа, она же говорила, что и в Европе настоящей демократии и близко не лежало. Но споры наши никогда не заканчивались ссорой.

Потом был Майдан, и мы с Ариадной не раз созванивались – я верил всему, что нам показывали по немецкому

ТВ, про доблестных защитников демократии, стремящихся в европейский рай, и про пророссийского президента Януковича, изо всех сил державшегося за незаконно полученную власть. И если для нее победа Майдана была трагедией, то я пытался убедить ее по телефону, что теперь у них будет только лучше. Более того, в марте я решил посмотреть на все это своими глазами, купил билет на самолет и полетел в Борисполь. Деньги у меня были, отпуск имелся – в предыдущем году я потратил только две недели, тогда, когда приезжала Ариадна, и еще пару дней туда-сюда, а в Германии обычный отпуск – шесть недель. Так что я решил для начала посмотреть Киев и пару других украинских городов, а потом поехать в Донецк и Горловку к Ариадне и ее семье.

В самолете в Киев меня посадили рядом с киевлянкой, учившейся в Германии – и горячо поддерживавшей Майдан. Она была весьма недурна собой и мне понравилась. Конечно, до Ариадны ей было ох как далеко, зато она не была близкой родственницей, и мы в тот же вечер оказались в постели в зарезервированном мною гостиничном номере. А на второй день я переселился к ней.

Мы провели несколько дней в Киеве, а потом поехали в Одессу через Корсунь, где у нее были родственники. Она с восторгом показывала мне «достижения демократии» и знакомила с самыми разными людьми. Должен сказать, что для меня все это было шоком, особенно когда майданщики со смехом рассказывали о том, как они забрасывали «беркутов»

коктейлями Молотова, а те лишь отбивались от них, спасая своих. Один по пьяной лавочке даже похвастался, что лично подыскал места в гостинице «Украина», с которых снайперы отстреливали «быдло», которое позже называли «небесной сотней» и в убийстве которых обвинили «Беркут». А в Корсуни мне несколько человек в красках описали, как они остановили автобусы с крымчанами, как за ними охотились, избивали их и «заставляли жрать стекло».

До Одессы мы так и не доехали – в Корсуни у Олеси (так звали девуцу) начались «эти дни» – по ее словам, раньше и тяжелее, чем обычно, – и она предпочла задержаться в этом довольно-таки скучном городе, а я решил не возвращаться в Киев, а отправиться наконец в Донецк.

В поезде на Днепропетровск и Донецк было сыро и холодно, из дырки над окном капало, но народу в нем было мало, что меня, откровенно говоря, весьма радовало. До Кривого Рога я ехал один, а там ко мне подсел худенький очкарик, сразу же уткнувшийся носом в учебник по базам данных на английском языке.

– О! Коллега! – улыбнулся я. – Я тоже компьютерщик.

– Я еще учусь, – смутился тот.

– А где?

– В Донецке.

– А сами вы откуда?

– Из Симферополя. Был у родителей, задержался из-за референдума, а теперь возвращаюсь в Донецк. Вот только не

знаю, что меня там ждет.

– А как там у вас в Крыму? Слышал, вас заставляли голосовать под дулами автоматов, и везде там ходят вооруженные русские солдаты.

Вячеслав оглянулся, чуть испуганно посмотрел на меня, но решился:

– Ага, щас! Солдат на улицах практически нет, разве что у военных баз. А референдум... никто нас насильно не гнал. Представьте себе, моя бабушка – ей уже восемьдесят семь, она практически не ходит, и передвигается в инвалидном кресле – уже сколько лет не голосовала, а тут попросила, чтобы ее отвезли на избирательный участок, где проводился референдум. Ты не представляешь себе, какой это был для всех праздник. И для меня тоже.

Только я хотел возразить, как дверь в купе распахнулась, и я увидел четверых громил в камуфляже. У одного было охотничье ружье, другой наставил на нас пистолет – не знаю уж, травмат или боевой.

– Семнадцатая сотня самообороны Майдана. Кто такие и куда едете? – сказано было, как я отметил в подсознании, по-русски.

Я достал из кармана немецкий паспорт, и эти уроды неожиданно опустили оружие и заулыбались. Потом они дружно вскинули руки в нацистском приветствии и крикнули: «Зиг хайль!»

Вероятно, они подумали, что раз я немец, то такой же на-

цик, как и они.

– А вы тоже немец? – спросили они у Вячеслава.

Тот достал из кармана украинский паспорт и протянул им.

– Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, – сказал один из «сотни». –

Крымчанин, ага. Пойдешь с нами.

Я не выдержал, вскочил и внимательно посмотрел на него:

– Ребята, что вы прицепились к человеку? Я за него ручаюсь, ежели что.

Один из задних «сотенных» открыл рот и начал: «А ты...», когда их главный посмотрел на меня и сказал:

– Ладно, оставим этого, – махнул рукой атаман этих бандитов. Он вернул паспорт моему спутнику, после чего вся четверка с матюгами вывалилась из купе.

– Говорили же мне, не возвращайся на Украину, – с горечью произнес мне Вячеслав через две-три минуты. – А я, дурак, не послушался. Видишь, как здесь все. А все СМИ талдычат про демократию. Ведьмин шабаш здесь, прямо как у Гоголя в повести про Вия, а не демократия... Был я в Киеве на Антимайдане, повезло еще, что на пару дней у приятеля задержался, иначе бы меня в Корсуни стеклом накормили, как моих друзей. А двое так и исчезли, до сих пор их найти не могут...

Я открыл рот и понял, что сказать-то мне нечего, и что все, что нам рассказывали про «демократию» и «мирную революцию», было сплошным враньем.

Еще один такой «патруль» проверил нас в Днепропет-

ровске, но им хватило моего паспорта. Они лишь гаркнули «Слава Украине!» и вышли из купе.

– Ты где жить-то будешь? – спросил меня Вячеслав, когда поезд тронулся.

– Поищу гостиницу. У меня там кухня, но она в общежитии, там не заночуешь.

– Давай ко мне. Я у тетки поселился, так она пока в Турцию уехала – челночит помаленьку. Да и не будет она против, она у меня хорошая. И место имеется.

Не могу сказать, что мне в Донецке все нравилось, но впечатление было такое, что я выполз на скользкий берег из зловонного болота. Вот только атмосфера была грозовая, предвоенная. И через пару дней после моего приезда администрация города и здание СБУ были взяты штурмом.

К тому моменту я уже давно понял, что то, что нам рассказывали в Германии, было враньем от начала и до конца. Я надеялся, что Запад прозреет. А пока я проводил время то с Ариадной, то со Славкой и его друзьями. Ребята были совсем другие, чем компания Олеси. Я даже попробовал свести Славу и Ариадну, но они лишь крепко подружились, а романтических отношений там не возникло.

Но все кончается, и я собрался было возвращаться в Германию и даже купил билет в Киев на четвертое мая. Но после событий второго мая в Одессе я позвонил приятелю в Германию, а тот мне сказал, что по телевизору лишь сказали, что ничего там не было, только небольшие столкновения

между футбольными фанатами. После этого я неожиданно для себя решил остаться. Отпуск мой заканчивался, даже с учетом тех дней, которые у меня оставались с прошлого года. Я позвонил на свою фирму, подумав, что меня, скорее всего, поставят перед выбором – возвращаться либо увольняться. Но мне предложили бессрочный отпуск за свой счет, причем, по словам шефа, «такие, как ты, на дороге не валяются; мы тебя будем ждать столько, сколько нужно».

И мы с Ариадной записались в ополчение. Славка тоже хотел, но его не взяли – ведь он никогда не служил в армии и был не совсем подготовлен физически. Поэтому он устроился компьютерщиком в администрацию ДНР и до сих пор там работает. А мы с Ариадной начали свою войну с нацистами где-то на западных рубежах области, после чего то отступали, то закреплялись на каком-нибудь рубеже, то вновь отступали... Оружия у нас было мало, боеприпасов еще меньше, а противостояли нам молодчики в БТРах и на танках. Я давно уже свыкся с мыслью, что вряд ли доживу до зимы. И только сейчас у меня впервые появилась надежда – в том числе и из-за странного старшего лейтенанта, так хорошо осведомленного о старшем брате моего прадеда.

– Так, значит, мы родственники? – спросил я.

– Именно так, сержант. Как-нибудь я расскажу тебе больше.

– Но скажите – вы потомок Андрея Фольмера?

– Скажем так, у нас общая кровь, – невесело усмехнулся

тот. — А кровь, как известно, не вода... Кстати, вне службы можешь обращаться ко мне на ты. Мы тут все родня, вместе живем, а когда нужно, то вместе и умрем...

4 августа 2014 года. Недалеко от поселка Петровское, Донецкая область.

Алевтина Макаровна Леонтьева, собаковод

— Ну что, милая, пойдем погуляем? — я ласково потрепала Трикси за холку.

Моя спутница радостно заскулила и принялась махать своим длинным с очесом хвостом.

Совсем не так давно, но, как мы сейчас говорим, «еще до войны», я жила рядом с питомником и работала там кинологом. Мы выращивали и дрессировали собак для таможенной и пограничной службы. Жизнь к тому времени стала беспокойная, и у нас, как и в соседней России, народ был вынужден ужесточить меры безопасности, чтобы предотвратить теракты. В основном наши собачки трудились в аэропортах, обнюхивая багаж на предмет обнаружения взрывчатых веществ и наркотиков. Но некоторые работали и на поездах, пересекавших границу Украины. Некоторые обормоты пытались в багаже ввезти или вывезти оружие. По всему чувствовалось, что скоро это оружие заговорит.

Собачек мы в основном покупали в России. Чаще всего это были обычные спаниели и овчарки, но как-то раз по случаю нам удалось приобрести щенков такой экзотической по-

роды, как койкерхондье. Когда-то давно эта порода была выведена в Голландии, и их не раз и не два изображали на картинах шестнадцатого и семнадцатого веков. Использовали их в основном для охоты на уток, и они обладали отменным нюхом. Потом, как это порой случается, они вышли из моды, но порода сохранилась, а недавно выяснилось, что они прекрасно подходят для поиска взрывчатки и наркотиков. Маленькие бело-рыжие собачки обладали спокойным нравом и дружелюбно относились к посторонним. То есть это было именно то, что требовалось от собак, работавших в тесном контакте с людьми. Но и дело свое они знали – на тренировках они лучше многих других пород находили даже небольшие закладки с наркотиками или взрывчаткой.

Все шло хорошо, несмотря на политические катаклизмы в Киеве. Но не так давно в Петровское пришли «азовцы». Я жила одна – с мужем мы разошлись уже давно, а дочь вышла замуж и уехала в Шахты. Сыновья же ушли в ополчение, как я ни умоляла их этого не делать. Старшего, Никиту, я видела недели три тому назад – он упрашивал меня уехать из Петровского, но я ему сказала – куда я, мол, денусь, у меня здесь хозяйство, собачки... И он ушел вместе с другими ребятами на юго-восток, к Саур-Могиле. А другой, Александр, был ранен у Донецкого аэропорта, и теперь он в Донецке, в больнице. Недавно звонил – мол, мама, все нормально, руки-ноги целы, голова тоже, еще повоюю...

Я ранее считала, что зря наши восстали – ведь и при

Ющенко мы жили, хотя и не так, как раньше, но концы с концами все же сводили. Пожили бы мы и при Порошенко с Турчиновым. Никита мне на это сказал, что то же самое думали и евреи в Германии в 1930-х – мол, пришел Гитлер, какое-то время будет трудно, потом все успокоится. Вот только «потом» было поздно...

А когда к нам в Петровское пришли «захистники», то они первым делом перестреляли наших собачек. За что они так были злы на них – ума не приложу. Может быть, кое-кого из этих бандитских рож собачки помогли посадить, унюхав наркотики или взрывчатку? Не знаю, мне этого не понять.

Потом они стали хватать всех без разбору – мужчин, женщин и особенно молоденьких девочек. Я вовремя сообразила, что мне ничего хорошего ждать от этих уродов не придется, и срочно перебралась в сторожку неподалеку от Саур-Могилы, ключи от которой мне отдал Иван Петрович, местный лесник, когда уходил в ополчение. Почему именно мне? Дружили мы с ним, чего уж тут скрывать, а, если честно, находились и в более близких отношениях, пусть и не «узаконенных». Ваня не раз делал мне предложение, только я почему-то все медлила с ответом.

Сторожка находилась в лесополосе, посаженной, по рассказам матери, еще при Иосифе Виссарионыче. Тогда все дружно высаживали в степи деревья и кустарники, выкапывали пруды и водоемы. Только после прихода к власти «кукурузника», как мать презрительно называла Хрущева, вы-

садка новых лесополос практически прекратилась.

В избушке Ивана были топчан, газовая плитка, керосиновая лампа, запас еды и керосина, запасной баллон с пропаном. А рядом с ней находился родник, так что чистой водой я была обеспечена. Умывальник, конечно, был сельским, вместо душа было ведро, вода только холодная, а отхожее место, как сказано в фильме, «туалет типа сортир». Но все чисто, аккуратно – Ваня был из числа тех холостяков, у которых везде порядок.

Еды – в основном это были консервы и упакованные в жестяные банки крупы – должно было хватить месяца, наверное, на три. Имелся и сухой собачий корм – у Вани был ирландский сеттер, Фил, которого он отдал в наш питомник, когда уходил. Песика тоже застрелили «патриоты», после своего прихода они для начала устроили «сафари» на наших собак – пока не переключились на людей.

Дня через два после того, как поселилась в сторожке, я услышала, как кто-то скулил перед дверью. Я открыла дверь и увидела свою любимицу – коикерхондье Трикси. Осмотрев собачку, я с радостью удостоверилась, что у нее лишь большая ссадина от пули на боку – каким-то чудом она смогла убежать от «охотников». Ну что ж, подумала я, вода для нее есть, еда тоже, пусть не самая лучшая – я своих собак «педигри» и прочей подобной гадостью не кормила.

Гулять с Трикси мы выходили лишь вечером и ночью – пока что меня «захистники» не обнаружили, и мне очень хо-

телось остаться вне их зоны внимания как можно дольше. Так что днем я лишь выводила ее метров на десять, ждала, пока она сделает свои дела, и возвращалась с ней в избушку. Умница Трикси все понимала, не капризничала и старалась как можно меньше шуметь. Лишь иногда она жалобно поскуливала, задевая раненым боком за деревце или кустик. Зато, как только садилось солнце, мы, стараясь не ступать на сухие ветки, гуляли по всей лесополосе – а она простиралась на несколько десятков километров.

Однажды днем я услышала женский крик, после чего затрещали ветки. Я схватила Трикси и выскочила с ней, спрятавшись в небольшой ложбинке метрах в двадцати от домика. Конечно, если бы «азовцы» увидели сторожку, то и меня они нашли в два счета. Но мне подумалось, что еще быстрее меня обнаружат, если я попробую – даже ползком – перебраться в густой подлесок. Но больше ветки не трещали, и я потихоньку, сдерживая дыхание, вернулась в сторожку.

Как только стемнело, мы с Трикси пошли посмотреть, что же там произошло. Я была готова ко всему, но увидеть тело женщины, да еще азиатки – в свете практически полной луны я смогла разобрать черты ее лица – было для меня шоком. Трикси обнюхала женщину, а потом начала лизать ее лицо. Глаза у незнакомки на секунду приоткрылись. Я сказала ей: – Не бойтесь, сейчас я попробую вам помочь.

Но она снова потеряла сознание. Я приложила руку к жилке на ее шее – сердце билось. Что ж, подумала я, нужно ис-

кать своих. Я перетащила девушку в сторожку, после чего, достав из ее правого нагрудного кармана какой-то документ – в нем почему-то была дыра – заперла ее вместе с Трикси в сторожке и отправилась на северо-восток, где, насколько мне было известно, еще были наши. Наши уже без кавычек – после зверств, увиденных мною в Петровском и в районе питомника, я поняла, где здесь свои и где чужие.

Той ночью я каким-то чудом смогла дойти до Первомайского – это пригород Снежного – и забарабанила в двери отделения милиции. Там кто-то загремел оружием, выругался, а потом спросил, не открывая двери:

– Кто там? И что вам надо?

Я стала рассказывать о случившемся и о найденной мною в лесу женщине. Милиционеры о чем-то переговорили между собой, потом дверь открылась, и, держа автомат наизготовку, из отделения вышел высокий парень в милицейской форме, в каске и бронежилете. Он первым делом осмотрелся, убедился, что я пришла одна, а потом спросил:

– Женщина незнакомая, говоришь. А кто она такая и откуда?

Я протянула ему удостоверение, которое я нашла в кармане незнакомки. Он нагнулся, подсветил себе светодиодным фонариком, присвистнул и сказал мне:

– Обождите. Сейчас я приведу ребят, и вы им покажете, где оставили эту даму.

По лесной дороге мы ехали с выключенными фарами. Ви-

димо, водитель неплохо знал маршрут и почти не сбавлял скорость. Не доезжая метров сто до сторожки, мы остановились и пошли дальше пешком. Милиционеры внимательно осматривались и не выпускали из рук оружие. В домике, услышав наши шаги, радостно заскулила Трикси.

Девушка лежала на топчане, и по тому, как она тяжело дышала и постанывала, можно было понять, что она еще жива. Ее тщательно осмотрел пожилой фельдшер и тихо сказал:

– Повреждены ребра, и такое впечатление, что есть и внутренние травмы. Но думаю, что она выживет. Только надо побыстрее отправить ее в больницу.

Девушку погрузили на принесенные носилки, занесли в машину, и мы отправились в обратный путь. Когда мы въехали в Первомайское, сидевший рядом со мной на жесткой скамеечке сержант-милиционер спросил:

– Вы хотите вернуться обратно или останетесь здесь?

– А наши отсюда не уйдут? – спросила я невпопад.

– Даст Бог, нет, – кивнул сержант.

– Тогда лучше я останусь. Вот только где?

– Как раз это не проблема. Пустых квартир и даже домов много, особенно в Снежном, так что жилье мы для вас завтра найдем, а сегодня заночуете у меня.

– Спасибо! Кстати, я вообще-то кинолог, но первую помощь сумею оказать и собаке, и человеку. Могу пойти санитаркой или медсестрой в госпиталь.

– Тогда лучше медсестрой. А то у нас раненых много, а

медицинского персонала мало. Завтра с утра я отведу вас к главврачу местной больнички. Заодно и домик подходящий есть рядом – там жила одна дама, которая еще десять лет назад за Ющенко агитировала, зимой на майдан ездила, а в апреле отсюда слиняла. Жилплощадь с тех пор пустует. Надо будет, наверное, в порядок привести...

– Приведу, не впервой, – улыбнулась я. – А что будет с девушкой?

– Ее мы прямо сейчас отвезем в Донецк. Похоже, это очень интересный случай...

5 августа 2014 года. Село Петровское Донецкой области.

Майор СБУ Кононов Леонид Андреевич

– Ну и где же пан Моравецкий? – спросил я по-русски капитана Панкратова, встретившего меня на пороге дома, который он выбрал себе для временного проживания. Что он сделал с хозяевами, я так и не узнал – может, им повезло, и они успели унести ноги подобру-поздорову, а может, они покоятся за околицей села, где виднеются несколько свежерытых братских могил. Панкратов оказался грузным, полнеющим детиной, с большим пивным пузом и руками, покрытыми наколками.

– Пане майоре, пан Моравецкий... – и он попытался что-то сказать на мове, но, похоже, весь словарный запас «великого и могучего украинского языка» у него на этом закон-

чился. «Державну мову» он явно знал лишь постольку-поскольку. По его произношению я понял, что он, скорее всего, родом откуда-то из-под Днепропетровска.

– Давайте лучше будем говорить по-русски, – предложил я. – Здесь, как в том анекдоте, все свои.

Тот вздохнул с облегчением и продолжил на родном для нас языке:

– Пан майор, пан Моравецкий решил поохотиться на сепаров. Иностранные гости любят этим заниматься. Мы его прождали весь вечер и всю ночь – а рано утром кто-то видел, как его уводили сепары в сторону Саур-Могилы. Насколько мне известно, для вызволения пана Моравецкого был задействован наш человек у сепаров, и мы надеемся, что его сегодня спасут из неволи. Ждем его ночью, после захода солнца.

Я лишь кивнул, но в груди у меня все бурлило от злости. Больше всего мне хотелось сделать то, чего я себе почти никогда не позволяю – длинно и многоэтажно выматериться. Этот Моравецкий возомнил, что он сверхчеловек, для которого Донбасс что-то вроде африканского заповедника, где можно поохотиться за живой двуногой дичью. А ведь совсем недавно пшеки были «неграми Европы», а теперь, видите ли, запанували. И этот пан вместо того, чтобы заниматься своими прямыми делами, решил сделать несколько селфи с трупами погибших ополченцев – сепарами я их про себя никогда не называл. Причем одно дело, когда враг хорошо вооружен, и ты имеешь реальный шанс в ответ получить пулю, и

другое – когда ты охотишься на шахтеров и таксистов, которые вооружены кое-как и часто толком и воевать-то не умеют.

Впрочем, я вообще не одобряю то, что происходит на Украине с конца восьмидесятых. Но я все еще ношу форму Незалэжной Украины и делаю свою работу так, как я ее привык делать. Все-таки я ей присягал... Хотя, конечно, до того я давал присягу Советскому Союзу, и ее, по сути, нарушил.

Эх, говорила мне тогда супруга – плюнем на все и уедем в Россию. Но я подумал – здесь у нас квартира, родители – мои в Киеве, ее в Крыму, дача в Любимовке под Севастополем... А в России все придется начинать с нуля. И скрепя сердце я принес-таки новую присягу, успокаивая себя тем, что СССР больше нет. Хотя совесть свербила и тогда, и в 2005 году, и тем более сейчас.

По отцовской линии я происхожу из русских офицеров, еще в восемнадцатом веке обосновавшихся в Киеве. Мой прадед был одним из тех, кто выбил во время Гражданской петлюровцев из русского Киева, а его брата до того замучили в Политехническом музее. Мой дед прошел всю Великую Отечественную, мой отец успел повоевать и в Анголе, и в Афгане, а я в 1983 вступил в доблестные ряды КГБ.

И оказался – сам не знаю, как – в одном засекреченном отделе, известном среди посвященных под именем «голубой», который занимался необъясненными наукой явлениями. Должен сказать, что почти каждый раз находилось впол-

не прозаическое объяснение тому или иному феномену, хотя, конечно, многие вещи наши ученые так и не могли объяснить. Но не будем отвлекаться.

В мае 1985 года, после известных событий, меня перевели из Москвы в Киев – мы занимались изучением возможных аномалий, связанных с катастрофой на Чернобыльской АЭС. До сих пор у меня стоят перед глазами брошенные деревни и колхозные фермы, поля, заросшие кустарником и бурьяном. В этих деревнях на нелегальном положении проживали старики и старухи, которые вернулись в свои дома, чтобы там умереть. Они уже ничего на свете не боялись и лишь отмахивались от нас, как от надоедливых мух, когда мы предлагали помочь им покинуть зараженную зону.

Скажу честно – ничего такого, что могло бы подтвердить существование каких-либо необъяснимых и таинственных явлений, мы так и не нашли. Довелось нам видеть странных рыб и животных, но они, скорее всего, были обычными мутантами – радиация в Зоне была вполне реальная, и мы там старались лишний раз не задерживаться.

В конце девяносто первого я стал «громадянином Незалежної України». Кто знает, как изменилась бы моя жизнь, если бы я тогда внял просьбам супруги и уехал в Москву, тем более что мой бывший шеф – ныне он был главой всего отдела – усиленно звал меня к себе.

Но, как говорится, что выросло, то выросло, и я остался в составе сильно урезанного отдела в Киеве, а через два года,

когда его расформировали, перешел в аналитический отдел, где специализировался на США, Канаде и Западной Европе.

Я благополучно пережил все пертурбации – и приход к власти Кучмы с его «Украина – не Россия», и его перевыборы, и «Украину без Кучмы», и третий тур и «избрание» Ющенко, и возвращение Януковича... А в марте этого года целый этаж в штаб-квартире СБУ в Киеве заняли наши «коллеги» из США, которые сразу же постарались показать всем, кто в доме хозяин.

По их рекомендации (читай – приказу) практически сразу же выперли на пенсию многолетнего – и весьма толкового – начальника аналитического отдела. Вместо него назначили молодого человека, чьим единственным достижением до того момента было тернопольское происхождение вкупе со знанием тамошней гвары и так называемой литературной мовы (для меня литературный украинский язык – это Котляревский или, на худой конец, Шевченко, а не Андрусевич со товарищи). А через неделю в мой кабинет вошли четверо – некий американский «специальный агент» (офицеров в ЦРУ, кстати, нет), начальник отдела, и двое звероподобных ребятишек, коих я раньше не видел – не иначе как из какой-нибудь «самообороны майдана».

Американец заговорил по-английски; я этот язык знаю в совершенстве, но один из майданутых перевел сказанное на плохую мову. В общем, мне было заявлено, что они не уверены в моей лояльности, и потому у меня есть выбор – доб-

ровольно уйти на пенсию в тот же день, либо отказаться, но тогда меня уволят приказом – по статье, которую для меня подберут, уж не беспокойтесь. Правда, после этого мне весьма затруднительно будет найти хорошую работу в любом серьезном учреждении.

Когда я согласился на первый вариант, один из майдановцев выдал мне картонную коробку, и я сложил туда то немногое, что принадлежало лично мне – фотографии жены, сына и дочери, кубок, некогда завоеванный отпрыском в соревнованиях по футболу, коробки с чаем и сахаром, чашку, кипяtilьник (знаю, его было запрещено держать в кабинете, но их все держали, наплевав на запрет) и зарядку для телефона. Но не успел я выйти из кабинета, как на пороге, как чертик из табакерки, нарисовался бывший мой коллега, которого я давно уже не видел.

– Что здесь происходит? – спросил он у громил по-русски. Те объяснили на мове, что пан Кононов уходит на пенсию. На что тот сказал:

– Вот другой приказ. Пан Кононов поступает в распоряжение Отдела по необъясненным явлениям.

Оказалось, что его воссоздали, а меня решили туда определить, а подпись на бумаге была пусть не главы СБУ, но одного из его заместителей, да еще и с визой какого-то важного американца.

А несколько дней назад пришли сведения, что на Саур-Могиле происходит что-то странное. Сначала американ-

цы послали туда этого урода-поляка – того самого Моравецкого – а теперь туда же пришлось отправиться и мне. То, что мне доложили, сильно меня удивило, хотя, как я считал, за время работы в конторе я отвык чему-либо удивляться. Оказалось, что к нам попали как минимум двое субъектов, которые, судя по всему, пришли в наше время из прошлого. И не факт, что такие же не окажутся по ту сторону фронта.

Но Моравецкий, вместо того чтобы заниматься делами, бездарно загремел в плен. И даже если его освободят, я буду настаивать на том, чтобы он поскорее вернулся в свою поганую Польшу. А если нет... Страшно даже подумать, сколько всего он может рассказать противной стороне! Ведь ни для кого не секрет, что он не столько работал на польские спецслужбы, сколько был мальчиком на подхвате у соответствующих структур в ЦРУ...

5 августа 2014 года. У подножия Саур-Могилы. Комкор Революционной повстанческой армии Украины Каретников Семён Никитич

– Пли! – услышал я команду большевика, руководившего расстрелом.

Прогремел залп из винтовок, и я почувствовал несколько тупых ударов в грудь. Потом на секунду стало очень больно, и навстречу мне понеслась черная пустота.

Трудно сказать, чего я ожидал. Про рай и ад, куда после смерти попадает душа человека, в церкви рассказывал свя-

щенник. Да и от родителей я в детстве наслушался немало страшных рассказов о том, что ожидает грешника после смерти. Все-таки родители мои были православными, и потому я ждал, что окажусь либо в раю, либо – что было намного более вероятно, если учесть то, что мне пришлось пережить – в преисподней.

Конечно, повзрослев и став идейным анархистом, я отрицал само существование Бога. Но мне как-то не хотелось навсегда исчезнуть во вселенской пустоте без какой-либо надежды на воскресение. И потому в самое последнее мгновение, когда душа моя неслась куда-то по темному тоннелю, в голове у меня мелькнуло нечто, похожее на молитву: «Господи, если Ты есть, дай мне возможность перейти на сторону добра!»

...Очнулся я на пожухлой выгоревшей траве, только не той, которая была в ту проклятую осень в мелитопольской степи, а в жаркий летний день на склоне неизвестного мне холма. Сказать, что у меня ничего не болело, я не мог, старые раны, полученные в боях с врагами трудового крестьянства, давали о себе знать. Но грудь моя почему-то даже не ныла. Осторожно ощупал ее и, к удивлению, обнаружил, что на сукне добротного английского френча нет ни одной дырки – а ведь перед расстрелом красные курсанты заставили меня снять шинель, которая стала моим спасением от ноябрьской промозглой стужи.

А вот кобура на моем боку была пуста – наган я сдал, ко-

гда вместе с Петром Гавриленко – моим начальником штаба – прибыл в ставку товарища Фрунзе. Вообще-то мне очень не хотелось туда ехать, но я вспомнил приказ, полученный от самого батьки Махно – не ссориться с большевиками и по возможности выполнять все их распоряжения. На сей счет имелись недвусмысленные указания в соглашении о совместной борьбе Повстанческой и Красной армий против белогвардейцев и Врангеля.

Я знаю, что Нестор Иванович не хотел нашей смерти, но он слишком часто безоговорочно доверял большевикам. Помню, как я долго и безуспешно убеждал его не заключать это соглашение, но он лишь приобнял меня за плечи и сказал:

– Сема, ничего не бойся, все будет хорошо. Михаил Васильевич Фрунзе – человек чести, и никогда не нарушал своего слова.

Когда я с Петром поехал в Мелитополь, Фрунзе потребовал, чтобы мой корпус немедленно перешел в полное подчинение командования Красной армии. Я отказался, сославшись на первый пункт соглашения. Фрунзе предложил нам хорошенько подумать, прежде чем дать окончательный ответ, но мы твердо стояли на своем.

Тогда в штаб ворвались вооруженные люди, отобрали у нас оружие, связали и посадили нас в погреб со связанными за спиной руками. А на следующее утро меня и Петра вывели на плац, где нас уже ждала расстрельная команда. Вот так

и закончилась моя жизнь — точнее, так мне тогда казалось. Не знаю, что после того случилось с Петей, но сам я каким-то чудесным образом оказался здесь, на этом холме. Не иначе сам Господь внял моей молитве и решил дать мне возможность еще немного пожить. Только для чего Он это сделал?..

Я поднялся с пожелтевшей травы, отряхнул с одежды сор и прилипшие к ней травинки. Потом, пошатываясь, я побрел вниз по склону. В голове крутились разные мысли, но я пытался не обращать на них внимания — поначалу лишь только радовался тому, что я снова жив и даже здоров. Но потом я все-таки задумался — а что мне надо будет сделать такое, чтобы хоть как-то искупить свою вину за сотни жизней, отобранных моими хлопцами у мирных людей, которые чем-то нам не понравились?

Да, мы, наверное, пролили меньше крови, чем те же большевики или петлюровцы. Но ведь мы делали же это, и нередко по моему приказу. Да и священнослужителей мы, бывало, тоже убивали. Одного даже в паровозной топке сожгли — за то, что он призвал нас покаяться и остановить братоубийственную войну, а прихожане ему внимали и осуждали нас. Тогда мне казалось, что это правильно, только таким образом мы могли пресечь возможный мятеж в зародыше. А сейчас я в этом совсем не был уверен.

Раздумывая над случившимся, я не заметил группу вооруженных людей, одетых в странную пятнистую униформу. Увидев жовто-блакитные нашивки — только желтый цвет был

почему-то снизу, а не сверху¹⁵, я сделал вывод, что это хлопцы главного атамана армии и флота УНР Симона Петлюры. Странно, ведь мы вроде их разбили наголову – кого постреляли, кто бежал за границу, а кто вернулся к мирной жизни...

– Ты хто такой? – спросил меня их командир.

Я ответил на русском:

– Семен Каретников.

– Москалик... Трымай його!

Я перешел на суржик и объяснил, что я родом из-под Гуляйполя, и к москалям отношения не имею. Но петлюровец тупо повторил:

– Чому суржи́ком, чому не мовою? Трымай його!

Меня сбили с ног и повалили на землю. Карманы мои тщательно обыскали, с ремня сняли пустую кобуру, потом связали мне руки за спиной и долго и больно били. Устав, петлюровцы рывком подняли на ноги, и старший приказал:

– Пийшов!

Вскоре мы оказались у какого-то одноэтажного здания, построенного из чего-то вроде цемента. Оно было низеньким, и внутри него находились клетки – наверное, подумал я, загоны для скотины. Но сейчас в одной из них были люди. Кто-то сидел прямо на земле, кто-то лежал, свернувшись калачиком – места было не очень много. Среди них оказалось

¹⁵ Как уже упоминалось, на петлюровском флаге желтый был сверху, голубой снизу.

много женщин. Почти все они были молоденькие – среди них попадались даже девочки лет тринадцати-четырнадцати. Примерно треть арестованных состояла из мужчин. В отличие от женщин, у них были связаны руки, а на лицах видны синяки и запекшаяся кровь. Ни один из них не носил униформу, из чего я сделал вывод, что это мирные люди, арестованные за какие-то преступления.

Меня пинками подогнали к решетке, старший петлюровец открыл замок, затолкнул меня внутрь и вновь запер дверь. Часовых они не оставили – выбраться из клетки было невозможно. Запах мочи и дерьма шибанул мне в нос – похоже, что нужника здесь не было и люди оправлялись по большому и по малому прямо в клетке. Вот какая-то гарная дивчина попросила мужчин отвернуться, после присела на корточки, задрав платье. В углу зажурчало.

– Ты кто? – спросил меня один из мужиков.

– Семен Каретников, – ответил я, внимательно осматривая свое узилище.

– Что на тебе за форма такая?

– Раньше служил, – буркнул я, не вдаваясь в подробности.

– Странная она какая-то. Я нечто подобное видел лишь в фильмах про гражданскую войну.

– Слушай, а какой сейчас год? – спросил я. – Меня эти байстрюки так по голове чем-то ударили, что я до сих пор свое имя вспоминаю с трудом.

– Тю! Видно, знатно тебя отлупцевали, если даже это ты

позабыл.

– Да, эти петлюры хуже зверей.

– Петлюры, ха-ха-ха! Да их, парень, уже почти сто лет как нет. Это «азовцы», то есть бандеровцы. А год сейчас на дворе две тысячи четырнадцатый, если ты и правда ничего не помнишь.

– Какие бандеровцы?

– Ну ты, паря, даешь! – отозвался другой из угла. – У тебя точно что-то с башкой не в порядке. Нацики – еще те зверюги. Для них наша жизнь ничего не стоит. Мы же дончане, а значит, как они говорят, ненастоящие украинцы.

– А где мы?

– У Саур-Могилы, паря.

– Понятно...

Ни разу мне не довелось побывать в этих краях, но кое-что я слышал про этот курган – все-таки до Гуляйполя отсюда не так чтобы было очень далеко. Про то, что они не врут ни про год, ни про каких-то там «бандеровцев», я понял сразу.

Тем временем эти самые петлюры-бандеровцы – бис их разберет – вернулись – не все, правда, а лишь четверо. Двое навели на нас короткие карабины с чем-то вроде длинной ручки в передней их части, а третий, пошуровав ключом в замке, открыл дверь, схватил одну из девушек, которая сразу истошно заорала, двинул ее под дых кулаком и передал четвертому. Потом он снова запер дверь на замок. Они потащили упирающуюся дивчину из здания, и вскоре снаружи

послышался женский вопль, полный отчаяния, – и точно так же внезапно прервался.

– Это уже третья, – хмуро сказал один из сидевших со мной мужиков. – Первые две так и не вернулись. Порешили их, наверное, эти гады. Зачем только? Ну, потешились и отпустили. А убивать для чего?

– Как часто они ходят за девками? – спросил я.

– Раз в час примерно. Половые гиганты, блин!

Последних слов я не понял, но было ясно, что нужно срочно что-то делать. Мы, махновцы, никогда не допускали насилия над женским полом, и за это всегда следовало весьма суровое наказание. Более того, натешившись с девками, эти живорезы могут приняться и за нас. Насильничать, понятно, не будут, но глотки всем могут запросто перерезать – пришлось мне видеть такое на отбитых нами хуторах, на которых успели похозяйничать петлюровцы. Я внимательно посмотрел на своего нового знакомого и сказал:

– Повернись!

Тот послушно повернулся ко мне спиной. Я обратил внимание на узел, которым были связаны за спиной его руки – тот, кто это сделал, видимо, служил во флоте, либо был знатоком разных хитрых узлов. Только и я кое-чему в жизни научился. Развязать именно этот узел было несложно, надо просто знать его секрет. А я его знал.

Дотянувшись онемевшими пальцами до узла, я быстренько развязал веревку и, дождавшись, пока парень разомнет

затекшие руки, повернулся к нему спиной, велел развязать меня. Как оказалось, узел, которым связали меня, был намного проще. Веревки ослабли, и я стянул их на грязный пол нашей клетки.

– Не надо этого делать, они вернутся, увидят, что руки развязаны, и всех нас перестреляют, – заблажил один из сидевших на корточках мужиков.

– Угу, – ухмыльнулся я, – а если будешь сидеть смирно, то, думаешь, тебя не тронут? Ладно, мы с... Как тебя зовут-то? – спросил я у парня, который, закончив разминать руки, зачем-то стал шарить пальцами по поясу своих штанов.

– Миша. Миша Левченко, – ответил тот. Он, похоже, нашел то, что искал. Из маленького кармашка на поясе Миша извлек какую-то черную штучку. Прodelав с ней несколько манипуляций, он превратил ее в короткий, но острый ножичек. Мой новый знакомый показал его мне и подмигнул подбитым глазом. Я понимающе кивнул. Так, кое-какое оружие у нас уже есть.

– Мы встанем так, что не будет видно, – сказал я Мише, – что у нас руки развязаны. Слушай, братишка, а ты в солдатах служил? Уж больно ловко у тебя все получается.

– Служил, конечно, – ответил Миша. – И не просто в армии, а в ВДВ. Только давно это было.

Я не стал спрашивать, что такое это «вэдэвэ», а лишь поинтересовался:

– Когда они вновь придут, надо попробовать схватить то-

го, кто за девкой полезет, и еще одного – того, кто его за калиткой ждет. Потом мы ими прикроемся. Что у них за карабины такие?

– «Калаши».

– Никогда таких не видел. Это германское или французское оружие?

– Ну ты, парень, даешь, – с удивлением ответил Миша, но, как смог, объяснил, что это такое, заодно показав на начерченном щепкой на земляном полу рисунке, где у него предохранитель, и как переставить его на одиночные выстрелы. Я удивился – этот автомат был чудо-оружием. Тридцать выстрелов без необходимости передергивать каждый раз затвор – о це дило!

– Так ты со мной? – я внимательно посмотрел на него.

– С тобой. Помирать, так с музыкой!

Вызвался помочь нам освободиться из неволи еще один парень, назвавшийся Алексеем. Все мы изнывали от жажды и голода (мне перед расстрелом милые большевички не дали ни поесть, ни попить – а когда их Петя об этом попросил, ответили, мол, все равно умирать – зачем оно тебе?). Но мы несколько раз, как могли, отрепетировали захват этих «бандеровцев».

Действительно, примерно через час раздались два выстрела, а еще минут через десять четверо «бандер» вернулись за очередной жертвой, причем на этот раз от них за версту несло горилкой. То, что мы репетировали, прошло как по нотам.

Гада, который первый сунулся в клетку, Миша ловко полоснул ножом по горлу. Петлюровец схватился руками за шею, а я тем временем выхватил у него нож, висевший на поясе, и положил им двух бандюков из оставшихся. Те, не ожидая от нас такой прыти, даже не успели дернуться. Четвертого мы оставили в живых, чтобы допросить.

Оказалось, что это был командир отделения. Он рассказал, что через два часа караул сменится. Здание, в котором они держали пленных, раньше было питомником для собак, иными словами – псарня.

– А где остальные? – грозно спросил я.

– Трое в офисе (что это за слово такое – никогда его раньше не слышал). Это если вы выйдете, повернете направо и зайдете в первую дверь.

– А где другие девушки?

Наш пленный вдруг побледнел, и глаза его забегали:

– Мы их потом выбрасываем в овраг... там рядом.

– Вы их всех убили?

– А что с ними делать? Товарный вид они потеряли. – Потом он начал нас умолять: – Не убивайте меня! Пожалуйста! Это все они – я здесь ни при чем!

– А чому не мовою? – вдруг вспомнил я про то, как они надо мною глумились.

– Я из Кривого Рога. У нас в городе мовнюков почти нет.

– Ясно, – сказал я и, недолго думая, полоснул и его ножом по горлу. Еще нам не хватало возиться с пленным...

В «офисе» все прошло без сучка и задоринки. Трупы убитых мы добавили к телам бедных девушек в овраге. Потом забрали всю еду, побросав ее в ранцы, которые Миша почему-то называл рюкзаками. Кроме всего прочего, мы прихватили еще две железные банки с водой, а также бутылку горилки (для дезинфекции, понятно). Затем мы вернулись, освободили пленников, хотя двое из них – мужчина и женщина лет сорока, единственная, кто был не первой молодости – отказались идти, мол, с вами, такими отчаянными – всем верная смерть, а с этими хоть шанс какой-то есть. И как я их ни уговаривал, они продолжали стоять на своем.

Тогда я дал им напиться, оставил немного провизии, после чего все покинули это жуткое место.

Конечно, умнее было бы уйти втроем с Михаилом и Алексеем, но я догадывался, что будет с теми, кто остался, и потому решил, что нужно спасти всех. А той парочке, которая с нами не пошла, я не завидовал, и, как оказалось, не зря – позже мне рассказали, что их изуродованные трупы нашли в одной из клеток. На мой вопрос, куда нам идти, Алексей сказал:

– Я знаю, где наши были вчера.

– Что это за «наши»?

– Наши, дончане. Воюют против... этих. Я-то думал, у меня жена, ребенок скоро должен родиться, и потому не пошел к ним. А теперь пойду обязательно. Тем более жену я сумел отправить к ее дяде в Ростов – она уже звонила, сказала, что

страху натерпелась по дороге, но все-таки ее смогли переправить через границу.

«Граница? Интересно, кого она разделяет?» – подумал я, но вопросов задавать не стал – потом найду время как следует расспросить своих спутников. Я лишь кивнул и сказал.

– Понятно. Ну что ж, веди, Алексей. Эти сволочи еще не знают, кто такой Семен Каретник. Скоро узнают!

5 августа 2014 года. Донецк. Министерство внутренних дел ДНР.

Подполковник ФСБ Жарков Александр Павлович

– Здорово, тезка! – я дружески приветствовал заместителя министра внутренних дел Донецкой республики, входя в его кабинет. – Знаю, что тебя недавно подранило в руку, поэтому обниматься с тобой я не стану. А то, не ровен час, жиману посильнее и сделаю тебе больно.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – улыбнулся замминистра, поправляя повязку на руке. – Вот, не выдержало ретивое, поднял своих ребят в атаку. Ну и получил пулю...

– А в мае в аэропорту – осколок в ногу... Ты, Васильич, поберег бы себя. Не всегда следует под пули лезть впереди всех.

– А вы, Александр Павлович, в Чечне, как я слышал, тоже не в штабах отсиживались... – замминистра, хитро улыбнувшись, посмотрел на меня.

– Ну, ладно, не будем перемывать косточки старшим по званию, – я нахмурил брови и постарался сделать грозное лицо, но не выдержал и рассмеялся.

– Вы к нам как, Александр Павлович, по делу или просто новых впечатлений набраться?

– По делу, дружище, хотя иной раз очень хочется послать все куда подальше и снова взять автомат в руки. Помню, в Афгане...

– Слышал я про ваши похождения «за рекой» от Каскадера. Вы ведь вместе с ним воевали?

– Было дело, тезка. Я, кстати, сюда приехал после его сообщения.

– Слушаю вас, товарищ подполковник, – лицо замминистра стало серьезным. – И что такого интересного для вашей конторы сообщил он вам?

– Дошли до нас вести, – начал я, – что в районе Саур-Могилы стали происходить какие-то странные вещи. А именно – неизвестно откуда появились люди, которые вроде бы умерли давным-давно. Они же живехонькие, даже не пылинки на них нет. Причем они не какие-то там ряженные реконструкторы, а самые настоящие участники Первой мировой и Великой Отечественной войн.

– Мне тоже докладывали об этом, – кивнул мой собеседник. – Поначалу я не поверил этому, думал, то ли чья-то плохая шутка, то ли кто-то сбрендил от перенапряжения. А потом это подтвердили люди, которым я полностью доверяю. В

голове не укладывается, но факт остается фактом – вполне реальные люди перемещаются во времени.

– Вот и у нас многие засомневались, – я развел руками. – Для того меня сюда и послали. Если все обстоит именно так, то будем над этим работать, подключим серьезных ученых, которые попытаются как-то это все объяснить. Или мы установим, что имеем дело с очередным фейком, напишем соответствующую справку и отправим материал в архив.

– Понятно, Александр Павлович. Могу обещать вам, что с моей стороны вам будет оказана вся необходимая помощь. Кстати, если вас интересует, то могу сообщить вам одну интересную вещь. С помощью одного из этих «путешественников во времени» ребята из «Востока» притащили из разведпоиска засланного казачка. Точнее, не казачка, а, скорее, шляхтича.

– Поляка? – насторожился я. – Ну-ка, ну-ка, расскажи мне обо всем поподробнее.

Мой собеседник вкратце рассказал о пойманном в районе обитания «Навоза» пшека. Меня насторожило то, что пан Анджей Моравецкий не занимался обычным шпионажем и не пытался выведать о силах и планах донецких ополченцев. Ляха тоже заинтересовали люди, о которых мы только что говорили. Но самой Польше путешественники во времени были вроде ни к чему. А вот «старшему брату» со звезднополосатым флагом, который маячил за спиной воинственных поляков, сведения о столь необычном явлении были бы весьма

интересны.

– Слушай, тезка, а не мог бы ты дать мне возможность побеседовать с вашим импортным пленником? Он, наверное, сидит под замком где-нибудь в вашем министерстве?

Замминистра смущенно почесал подбородок.

– Видите ли, Александр Павлович, его пока еще не доставили в Донецк. Обещали сделать это на днях. Я сейчас свяжусь с Саур-Могилой и отдам соответствующий приказ.

– Может быть, мне самому туда съездить? Заодно и с этими таинственными «путешественниками» познакомлюсь поближе. Ты найдешь мне машину и пару сопровождающих?

– Все сделаем, товарищ подполковник. Завтра с утра...

– А сегодня вечером нельзя?

– Вот это я бы вам не советовал. Непокойно у нас, и ночью ездить никому не рекомендую. Случись чего с вами – никогда этого себе не прощу.

– Ну что ж, нет так нет.

– Отлично. Я сейчас распоряжусь, чтобы вам сообразили номер в гостинице. А заодно и поговорите с Алексеем Ивановичем Степаненко, он у меня занимается подобными делами.

– Леша Степаненко? Однако... Я-то думал, что он давно на пенсии.

– Был на пенсии. А когда у нас началось, вспомнил, что родился в Краматорске, и приехал к нам. Можете ему доверять, как мне лично.

– Мы с Лешей старые знакомые, – улыбнулся я.

– Сейчас за вами приедет машина, доставит вас к нему, а после отвезет в гостиницу. А завтра утром за вами заедет джип. Много народу вам в сопровождение дать не могу – на фронте бойцов не хватает. Водитель и один боец из «Востока», который вам поможет, если что.

– А для меня автомат найдется?

– Это запросто. Только, товарищ подполковник, дай бог, чтобы он вам не понадобился. Вы там не забывайте сообщать мне о том, что происходит. А то я буду сидеть как на иголках. Можно и через Александра Ивановича.

– Не бойсь, тезка, все будет хорошо. Моя чуйка пока меня еще ни разу меня не подводила. Думаю, что не подведет и на этот раз...

Часть II. «В крови до пят, мы бьемся с мертвецами, воскресшими для новых похорон...»

5 августа 2014 года. Донбасс.

Сержант Михайлюта Григорий, ополчение ДНР

В темноте скрипнула дверь, что-то загремело, и мой спутник хрипло выругался по-польски:

– Пся крев!

Зря связался я с этим дурным пшеком, только одни неприятности от него... Может быть, лучше его того... Скажу потом, что этот самый Анджей на растяжку наскочил. Правда, тогда мне за него и ломаного гроша никто не даст. А если я вытащу его из каталажки, то получу хорошие пенёдзы¹⁶. Поляки не должны обмануть. Ведь сколько времени я с ними работаю, и они ни разу не нарушили ни единого обещания.

– Слышь, ты, шуми меньше. А то услышат сепары, примчатся и повяжут нас. Тогда нам обоим звиздец.

– Меня не будут убивать, – хриплым шепотом ответил пшек. – Я им нужен.

¹⁶ Деньги (пол.).

«Зато я им не нужен, – мелькнуло у меня в голове. – А задница моя мне дорога как память. А еще мне нужны гроши, и чем больше у меня их будет, тем лучше».

Собственно, из-за грошей я и ввязался во всю эту историю. Родился и вырос я в Ровно. Оттуда после школы и армии и начались мои «хождения по мукам». Куда только ни забрасывала меня судьба. Одно время я даже работал вахтовиком в Уренгое. Платили там хорошо, только климат был не очень, да и вкалывать приходилось так, что порой света белого не видел.

Потом я вернулся домой и заделался «челноком» – благо до польской границы у нас было рукой подать. Тоже работка та еще. Но я быстро познакомился с нужными людьми, которые помогли мне стать на ноги и зарабатывать не паршивые «купоны»¹⁷, а доллары и евро. Скоро я сам уже перестал таскать через границу забитые товаром сумки, а лишь наблюдал за бабами и дивчинами, которые делали это за меня. Мне приходилось лишь разруливать разные непонятки с бандюками и полицейскими, как у нас, так и в Польше.

Мои «рабыни Изауры» – так я в шутку называл тех, кто на меня работал, – помимо обычной работы «челночниц», подрабатывали и оказанием сексуальных услуг. Меня же они

¹⁷ В силу острой нехватки наличной денежной массы в Незалэжной было решено ввести купоны. Номинированные в рублях (карбованцах) и получившие название купоны (слово «Купон» находилось на лицевой стороне и было сделано шрифтом, очень похожим на шрифт Playboy), эти денежные единицы получили название купоно-карбованцы и просуществовали до 2006 года.

обслуживали бесплатно, а от тех, кому этого делать не хотелось, я избавлялся безо всяких разговоров.

В общем, года два дела мои шли хорошо, я купил квартиру во Львове и машину, подумывал даже о получении «карты поляка»¹⁸

¹⁸ Документ, выдаваемый этническим полякам и дающий держателям разнообразные права, включая право на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.